

ЭРА ДРАКУЛЫ

КИМ НЬЮМАН

Перевод Николая Кудрявцева

фэнтези

МИСС

Ким Ньюман
Эра Дракулы
Серия «Red Violet. Темные миры»
Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70009354
Эра Дракулы / Ким Ньюман: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2024
ISBN 9785002142200

Аннотация

1888 год. Лондон наводнили вампиры, а Англией наравне с королевой Викторией правит сам граф Дракула. Район Уайтчепел, улицы которого кишат нечистью, сотрясает ночной кошмар: серийный убийца, именующий себя Джеком-потрошителем, открывает охоту на «новорожденных» – недавно обращенных кровопийц. Когда в преступлениях выявляется политический мотив, за расследование берутся целительница вампиров Женестьева Дъёдонне и агент клуба «Диоген» Чарльз Борегар – чтобы положить конец беспощадной резне.

В издание вошли дополнительные материалы:

- повесть Ньюмана «Эра Дракулы 1902: Шанс на то, что нечто придет с Марса»
- авторские комментарии к «Эре Дракулы»

– отдельный раздел с комментариями переводчика

Содержание

Нил Гейнман. Предисловие	7
Эра Дракулы	13
Глава 1. В тумане	17
Глава 2. Женевьева	26
Глава 3. Ночной прием	46
Глава 4. Блюз Коммершиал-стрит	64
Глава 5. Клуб «Диоген»	75
Глава 6. Ящик Пандоры	85
Глава 7. Премьер-министр	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Ким Ньюман

Эра Дракулы

Original title:

Anno Dracula

by Kim Newman

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2011 by Kim Newman

«This edition published by arrangement with Antony Harwood Limited and Synopsis Literary Agency».

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

Нил Гейнман. Предисловие

Время – штука странная, и я не уверен, куда оно подевалось.

Когда-то мы были молоды, и кажется, даже не так уж и давно, хотя на самом деле, конечно, это не так. Когда мы встретились, в 1983 году, Киму было двадцать три, а мне – двадцать два; он уже выбрал свой платонический идеал того, как должен выглядеть (а именно с иголки одетым путешественником во времени, прибывшим из Эдвардианской эпохи и косплеящим того Кима Ньюмана, какой он есть сегодня), а я только через шесть лет выберу ту модную катастрофу, с которой свяжу жизнь. (Однажды нас опишут в романе Йена Синклера как «волосатую ретроспективу», но это будет еще не скоро.)

В общем. Мы были молоды, Ким и я, много писали всякого, у нас были огромные планы и великие амбиции. Ким работал кинокритиком, в основном для «Городских границ» и «Ежемесячного бюллетеня» Британского института кино, я же писал для всех, кто заплатит, то есть по большей части брал интервью у писателей для, культурно выражаясь, «мужских журналов».

Вместе мы составили книгу цитат под названием «Ужасно до невероятия», а потом написали еще несколько вещей, в основном юмористических статей для всех, кто хотел

дать нам денег. Мы просто кишели идеями. Писали – пару раз вдвоем, иногда впятером – в комнате Кима в квартире на Масвелл-Хилл, забитой, прямо как ТАРДИС, таким количеством видеокассет, книг (именно там я прочитал собрание EC Comics, сидел всю ночь, не спал, пока соседи Кима по квартире веселились до утра), пресс-релизов и киноартефактов, что это, на первый взгляд, казалось невозможным. Вместе мы выдумывали юморески, и у нас получалось. А вот когда попытались сочинить вдвоем рассказ, вышло из рук вон плохо, и мы оба это поняли, хотя тут важно отметить, что действие в тексте крутилось вокруг вампиров. (Оглядываясь назад – мы бы, наверное, справились лучше, если бы начали с сюжета.)

Ким понимал, как надо рассказывать истории, лучше, чем все, кого я встречал до того, и мне пришлось бежать быстро, чтобы держаться с ним вровень. Примерно тогда же нас попросили сочинить парочку сюжетов дешевых фильмов для второсортного продюсера, мы так и сделали. Заказчику все не понравилось, и Ким, который ничего не тратит зря и ничего не забывает, позже превратил эти задумки в романы.

Впервые он упомянул о мире, где Дракула победил, в 1984 году (мне так кажется). Тогда мы работали над «Ужасно до невероятия» и размышляли над тем, не написать ли нам вместе роман. Идея мне понравилась. Я был совершенно пленен тем, как метафора вампиризма неожиданно мо-

жет стать метафорой общества, правительства и управления, образом окопных боев Первой мировой войны в мире, контролируемом вампирами, где старейшины вампиров эксплуатируют молодых солдат, а потом отправляют их на смерть. (Ким, который разбирался в политике куда лучше меня, все это увидел сразу.) Возможно, нам следовало что-то с этим сделать, но у нас было столько идей, столько всего, что мы хотели воплотить в жизнь, к тому же обоих ждали книги и статьи, за которые уже платили.

Но хорошие идеи как Дракула – они никогда не умирают по-настоящему. И для того, что собирался сделать Ким, были прецеденты.

Американский писатель Филип Хосе Фармер создал серию книг, известных как цикл «Семья из Ньютоновой пуштоши», в ней он представил своеобразную единую теорию поля для литературы, которую любил. Вы когда-либо интересовались, что объединяет Шерлока Холмса и Дока Сэвиджа или какое отношение к ним имеет Тарзан? Фармер свел их вместе. Похожим образом Дэвид Томсон – писатель, который, как и Ким, был кинокритиком, – создал в своем романе «Подозреваемые» целый мир, построенный на основе образов и жизни киноперсонажей, пришедших по большей части из фильмов жанра «нуар». В нем мы видим любовников и детей, смерти и взаимоотношения, которые связывают героев фильмов, и понимаем, как они все действуют в одном пространстве. Джордж Макдональд Фрэзер в книгах о Флэш-

мене, описывая приключения своего мошенника, успешно выводил литературных и исторических персонажей на одну сцену. Подозреваю, что Ким вдохновлялся своими предшественниками, но я совершенно уверен, что, даже если бы их не существовало, он бы справился и сам. Понимаете, у него такой склад ума. В конце концов, его первый роман, «Ночной мэр», описывал объединенную реальность нуара 1940-х годов.

Так что, когда наш общий друг Стив Джонс попросил у Кима рассказ для «Большой книги о вампирах», тот взял идею о победившем Дракуле, сочинил для нее сюжет и написал повесть под названием «Красная власть». Блестящая, она была подлинным воплощением таланта Ньюмана. А потом он взял этот скелет, облек его в плоть, и история превратилась в «Эру Дракулы».

В «Эре Дракулы» есть (вымышленный) Джек-потрошитель вместе с другими персонажами из «Дракулы» Брэма Стокера. Лулу, первая жертва Джека, пришла из «Ящика Пандоры», там ее сыграла Луиза Брукс. Вы встретите в тексте людей, созданных воображением сэра Артура Конан Дойла и Герберта Уэллса, а также целую кучу сыщиков и охотников за призраками. Ким заимствует персонажей повсюду – от «грошовых ужасов» до эдвардианских историй о вампиризме, от фильмов ужасов студии «Хаммер» до сверхъестественных мыльных опер, даже из «Агентов А.Н.К.Л.». (Если происхождение некоторых из них останет-

ся для вас загадкой, то это, возможно, альтернативные версии героев, которых Ким создал под псевдонимом Джек Йовил для вселенной «Вархаммера»).

И тем не менее это полноценный роман, а не просто игра в угадайку. Сильный роман, потому что Ким – замечательный писатель, у текста есть зубы, и он прекрасно кусается. Также он породил другие книги (мне особенно нравится цикл коротких историй, который Ким превратил в роман под названием «Джонни Алукард») и рассказы, а также серию комиксов.

Сила Кима Ньюмана как писателя кроется в его точности и понимании того, что он делает. Он великолепный автор, но великолепие всегда должно быть о чем-то, или же оно превращается в техническое упражнение. С циклом про эру Дракулы Ким нашел идеальный способ поговорить о любви, власти и боли, о политике и эксплуатации, об искусстве, использующем существующую литературу и кинематограф как приправу, но никогда в качестве основного блюда. Эти истории становятся зеркалом, в нем мы видим себя, чего вампиры, естественно, сделать не могут.

Существует альтернативная вселенная, в которой я соавтор «Эры Дракулы» и всего цикла, и я так рад, что живу в этой, где могу просто читать и перечитывать книги, в которых Ким расправляет кожистые крылья и летит, как летучая мышь, позволяя нам увидеть то, что он обожает, заставляя с сомнением взглянуть на наш собственный мир и задумать-

ся о том, кто бы из нас отрастил клыки, а кто – заточил колья.

Нил Гейман

Бостон/Сиэтл, 2022

Эра Дракулы

*Для Стива Джонса, книжного хранителя
вампиров*

*«Мы, секлеры, по праву гордимся своим родом –
в наших жилах течет кровь многих храбрых
поколений, которые дрались за власть как львы.
Здесь, в водовороте европейских племен, угры*

унаследовали от исландцев воинственный дух Тора и Одина, а берсерки вели себя на морском побережье Европы, Азии, да и Африки так жестоко, что люди принимали их за оборотней. Придя сюда, они столкнулись с гуннами, в воинственном пылу прошедшими по этой земле, подобно огненному смерчу, и погубленный ими народ решил, что в их жилах течет кровь старых ведьм, изгнанных из Скифии и совокупившихся с бесами пустыни. Глупцы, глупцы! Какие бес или ведьма могли сравниться с великим Аттилой, кровь которого течет в моих жилах? Удивительно ли, что мы – племя победителей? Что мы горделивы? А когда мадьяры, лангобарды, авары, болгары и турки хлынули на наши границы, разве не мы оттеснили их с нашей земли? Стоило ли удивляться тому, что Арпад и его легионы, пройдя через всю Венгрию и достигнув границы, споткнулись о нас? А когда мадьяры хлынули на восток, то они, победители, признали свое родство с секлерами и много веков доверяли нам охрану границ с Турцией. А это нелегкое дело – бесконечные заботы по охране границы; как говорят турки, „даже вода спит, а враг никогда не дремлет“. Кто отважнее нас во времена „четырех наций“ бросался в бой с численно превосходящим противником или по боевому зову быстрее собирался под знамена короля? Когда был искуплен наш великий позор – позор Косова, где знамена валахов и мадьяр склонились перед мусульманским полумесяцем, кто же, как не один из моих предков – воевода, – переправился через Дунай и разбил

турок на их земле? Это был истинный Дракула! К несчастью, после крушения доблестного воеводы его недостойный родной брат продал своих людей туркам и навлек на них позор рабства! <...> И опять же, когда после Мохачской битвы было сброшено венгерское иго, вожаками были мы – Дракулы, наш дух не мог смириться с несвободой. Эх, юноша, секлеры (а Дракулы – их сердце, мозг и меч) могут похвалиться древностью своего рода, недоступной этим новоиспеченным династиям Габсбургов и Романовых. Дни войны миновали. Кровь в эти дни позорного мира слишком драгоценна, а слава великих народов – не более чем старые байки».

Граф Дракула

«Я основательно изучил все попавшие ко мне в руки бумаги, имевшие отношение к этому монстру; и чем больше вникал в них, тем больше убеждался в необходимости его уничтожить. В них много говорится о его успехах, и видно, что он осознает свое могущество. В результате исследований моего друга Армения из Будапешта удалось выяснить, что в жизни это был необыкновенный человек: одновременно солдат, государственный деятель, алхимик, – алхимия в те времена считалась вершиной научного знания. Он обладал большим умом и знаниями, а сердце его не ведало страха и угрызений совести. Граф даже учился в Шоломансе, школе дьявола, и не было такой науки в его время, которой бы он не превзошел. Что ж,

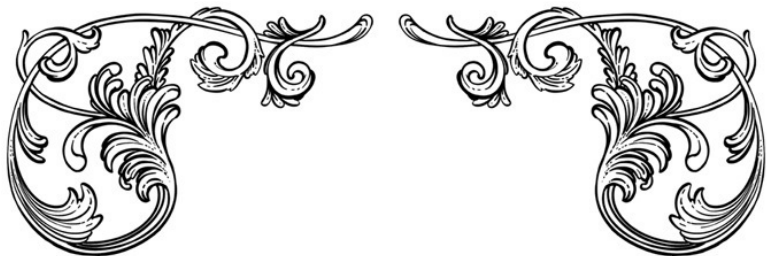
после физической смерти его умственная мощь сохранилась, лишь слегка ослабела память. Конечно, кое в чем его интеллект – на примитивной стадии, однако способен к быстрому развитию. Граф экспериментирует, и вполне успешно. И не попадись мы на его пути, он, вероятно, стал бы – а в случае нашего поражения и станет – отцом или родоначальником нового вида, который будет существовать „в смерти“, а не „в жизни“.

Абрахам Ван Хелсинг¹

---

¹ Здесь и далее цитаты, принадлежащие графу Дракуле и Ван Хелсингу, взяты из романа «Дракула» Брэма Стокера (пер. Т. Красавченко). *Здесь и далее примечания переводчика.*

Глава 1. В тумане

Дневник доктора Сьюарда (ведется в фонографической форме)

Прошлой ночью роды оказались успешнее прочих. Гораздо проще, чем неделю назад. Возможно, с должным усердием и терпением все станет лучше. Но по-настоящему легко не будет никогда. Не будет... никогда.

Прошу прощения: так трудно держать мысли в порядке, а этот чудесный прибор не прощает ошибок. Я не могу зачеркнуть поспешно вырвавшиеся слова или вырвать испорченную страницу. Цилиндр вращается, игла гравировывает, и мои бессвязные речи навеки застывают в безжалостном воске. Великолепные устройства, так же как и чудесные ле-

карства, отягощены непредсказуемыми побочными эффектами. В двадцатом веке новые способы фиксации человеческой мысли могут повлечь за собой лавину бесполезных размышлений. «Brevis esse laboro»², как сказал бы Гораций. Я знаю, как описывать историю болезни. Для грядущих поколений это будет интересно. Теперь же я работаю при закрытых дверях и прячу цилиндры с тем, что осталось от моих записей. Судя по всему, моя жизнь подвергнется серьезной опасности, если эти дневники станут достоянием общественности. Хотел бы я, чтобы однажды мои мотивы и методы оказались ясны и всем известны.

Ну ладно.

Объект: женщина, между двадцатью и тридцатью годами. С уверенностью могу сказать, что мертва она недавно. Профессия: очевидна. Местонахождение: Чиксэнд-стрит, тупик Брик-лейн, напротив улицы Флауэр-энд-Дин. Время: чуть за пять после полуночи.

Я скитался около часа в тумане, густом, словно пролитое молоко. Такая погода прекрасно подходит для моей работы. Чем меньше видишь, что стало с городом за прошедший год, тем лучше. Как и все остальные, я сплю днем и тружусь ночью. По большей части мною овладевает лишь дремота; кажется, прошли годы с тех пор, как я испытывал блаженство

---

² «Стараюсь быть кратким» (*лат.*). Как отметил в послесловии сам Ким Ньюман, полностью цитата из Горация звучит следующим образом: «Brevis esse laboro, obscurus fio» – то есть: «Если стараюсь быть кратким, то становлюсь непонятным».

настоящего сна. Теперь все дела творятся во тьме. Правда, здесь, в Уайтчепеле, ничего особо не изменилось.

На Чиксэнд-стрит висит эта проклятая голубая дощечка, прямо на доме 197, одном из прибежищ графа. Здесь лежат шесть ящиков с землей, которым он и Ван Хелсинг придавали столь много суеверной и, как выяснилось впоследствии, ничем не оправданной значимости. Предполагалось, что лорд Годалминг уничтожит их, но мой благородный друг не справился с задачей, впрочем как и со всем остальным. Я стоял под табличкой, не в силах разобрать надпись на ней, размышлял о наших ошибках, когда мое внимание решила привлечь мертвая девушка.

– Мистер... – позвала она. – Мис-с-стер...

Когда я повернулся, она убрала перьевое боа с горла, открыв шею и грудь туманно-белого цвета. Живая женщина уже дрожала бы от холода. Эта же стояла под лестницей, ведущей к входу на второй этаж, где светился красный фонарь. Позади нее, скрытая отрывистыми тенями ступеней, виднелась еще одна дверь, словно погружившаяся в мостовую. Ни одно из окон поблизости не горело. Мы стояли на острове видимости в море мрака.

Я пересек улицу, взбивая носками туфель желтые вихри в низко лежащем тумане. Поблизости никого не было. Откуда-то доносились звуки шагов, но нас скрыла молочная пелена. Вскоре первые колья рассвета выгонят последних «ново-рожденных» с улиц. Несмотря на обычаи своего вида, мерт-

вая девушка припозднилась. Опасно припозднилась. Похоже, она слишком сильно нуждалась в деньгах и выпивке.

– Такой симпатичный джентльмен, – заворковала вампирша, взмахнув рукой, острые ногти рассекли клочки белесой мглы.

Я попытался рассмотреть черты ее лица, и оно показалось мне излишне худым, но привлекательным. Она слегка склонила голову, чтобы увидеть меня, локон волос цвета сажи упал с белой щеки. В красно-черных зрачках виднелся интерес и голод. А еще искра полуосознанного понимания, граничащего с презрением. Когда Люси – мисс Вестенра, да святится память ее – ответила отказом на мое предложение, я заметил, как такое же выражение мелькнуло в ее глазах.

– ...и утро столь близко.

Она была не из Англии. Судя по акценту, я бы назвал ее немкой или австриячкой по рождению. Намек на «ч» в «чентльмен», «близко», произнесенное с упором на «з». Лондон принца-консорта от Букингемского дворца до Бакс-роу³ – это выгребная яма Европы, забитая отбросами полу-дюжины княжеств.

– Подойдите и поцелуйте меня, сэр.

---

³ Букингемский дворец – официальная лондонская резиденция британской королевской семьи. Что же до Бакс-роу, которая ныне переименована в Дару-орд-стрит, то именно там 31 августа 1888 года Джек-потрошитель, согласно официальной версии, убил свою первую жертву, Мэри Энн Николс по прозвищу Полли. Улицу переименовали в том же году, дабы снизить ненужную ажитацию в Уайтчепеле.

Я замер на мгновение, просто смотрел на нее. Мне попалась красивая тварь, приметная. Ее сверкающие волосы были коротко подстрижены и покрыты лаком почти на китайский манер, застывшая челка походила на щиток римского шлема. В тумане красные губы казались черными. Как и все вампиры, она слишком легко улыбалась, приоткрывая острые, похожие на осколки жемчуга зубы. Облако дешевых духов висело в воздухе, тошнотворно скрывая смрад нежити.

Улицы грязны, это открытые канализационные стоки порока. Мертвые повсюду.

Девушка мелодично засмеялась, звук как будто вырвали из какого-то механизма, она подозвала меня ближе, еще больше приспуская боа, топорщащееся редкими перьями. Ее смех снова напомнил мне о Люси. Люси, когда она была еще жива и не стала тем жаждущим крови существом, что мы прикончили на кладбище Кингстед. Три года назад, когда один Ван Хелсинг верил...

– Вы подарите мне поцелуй? – пропела она. – Всего лишь легкий поцелуй.

Ее губы приняли форму сердечка. Сначала к моей щеке прикоснулись ногти, только потом пальцы. В нас не осталось ни капли тепла: мое лицо превратилось в ледяную маску, ее персты иглами кололи замерзшую кожу.

– Кто виноват, что ты стала такой? – спросил я.

– Удача и один добрый джентльмен.

– А я – добрый джентльмен? – Я стиснул ручку скальпеля,

лежащего в кармане брюк.

– О да, очень добрый. В этом я разбираюсь.

Я прижал инструмент плашмя к бедру, чувствуя холод серебра сквозь тонкую ткань.

– У меня есть омела⁴, – сказала мертвая девушка, вытаскивая веточку из корсажа и держа ее над собой, а потом спросила: – Поцелуй? Всего лишь пенни за поцелуй.

– Рановато для Рождества.

– Для поцелуя всегда есть время.

Девушка тряхнула веткой, ягоды закачались безмолвными колокольчиками. Я запечатлел поцелуй на ее красно-черных губах и вынул нож, держа его под пальто. Почувствовал остроту лезвия сквозь перчатку. Ее щека холодила мое лицо.

В последний раз, на Хэнбери-стрит, я научился – Чэпмен, в газетах было ее имя, Энни или Энн – делать все быстро и точно. Горло. Сердце. Требуха. Потом отрезать голову. Чтобы прикончить тварь. Чистое серебро и чистая совесть. Ван Хелсинг, введенный в заблуждение фольклором и символизмом, всегда говорил о сердце, но сгодится любой дру-

---

⁴ Во многих англоязычных странах Рождество встречают с веточкой омелы, чтобы новый год принес счастье. Ее развешивают в домах, отгоняя призраков и духов. Но Лулу Шон, как и Сьюард, имеют в виду английский обычай на Рождество целоваться под висящей на потолке омелой. Такой поцелуй считался залогом вечной любви и даже вел к неизбежному браку. Обычай имеет, с одной стороны, кельтские мотивы, с другой – происходит от скандинавских легенд. Иногда значение омелы трактуется еще шире, поскольку она не является ни деревом, ни кустарником, а пребывает где-то посередине – и символизирует тем самым свободу от всех запретов.

гой жизненно важный орган. До почек достать легче всего.

Я тщательно готовлюсь, прежде чем отправиться на охоту. Полчаса сижу, позволяя себе вновь осознать боль. Ренфилд мертв – мертв на самом деле, – но безумец оставил отпечатки зубов на моей правой руке. Полукруг глубоких отметин выскоблен уже множество раз, но до конца рана не заживет никогда. В случае с Чэпмен я был несколько одурманен настойкой опия, а потому не смог точно нанести удар. Не помогло даже то, что я научился резать левой рукой. Промахнулся мимо главной артерии, и существо успело заверещать. Боюсь, я потерял над собой контроль и превратился в мясника, хотя должен оставаться хирургом.

Прошлой ночью все получилось гораздо лучше. Девушка столь же упорно цеплялась за жизнь, но в то же время я почувствовал, как она приняла мой дар. В конце концов ей стало лучше оттого, что душа ее очистилась. Серебро нынче достать трудно. Вся монета или золотая, или медная. Я припас немало трехпенсовиков, и пришлось пожертвовать обеденным сервизом моей матушки. А инструменты у меня остались еще с дней службы в Перфлите. Теперь все лезвия посеребрены, стальная сердцевина кроется внутри убийственного серебра. В этот раз я выбрал скальпель для анатомического вскрытия. Думается, в моем деле вполне уместен инструмент, использующийся для препарирования трупов.

Мертвая девушка пригласила меня к своей двери и подернула вверх юбки, обнажив стройные белые ноги. Мне по-

надобилось время, чтобы расстегнуть ей блузку, ибо пальцы обжигало от боли и они путались.

– Твоя рука?

Я протянул неуклюже обернутую в перчатку дубинку и попытался выдавить из себя улыбку. Вампириша поцеловала напряженные костяшки, тогда как другая моя ладонь выскользнула из-под пальто, твердо сжимая скальпель.

– Старая рана, – ответил я. – Не стоит внимания.

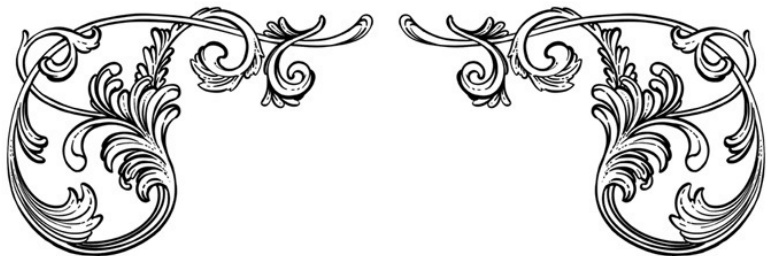
Она улыбнулась, и я быстро провел серебряным лезвием по ее шее, твердо нажимая большим пальцем, глубоко взрезая девственно-мертвую плоть. Глаза существа расширились от шока – серебро приносит сильную боль, – и девушка испустила длинный выдох. Тонкие ручейки крови брызнули и заструились дождем по окну, испятнали ей кожу на ключицах. Одна-единственная капля крови выступила в уголке рта.

– Люси, – произнес я, вспоминая...

Я придержал девушку, телом заслоняя от взглядов прохожих, и сквозь корсет скользнул скальпелем в сердце. Почувствовал, как она вздрогнула и обвисла, бездыханная. Я положил тело в углубление портика и завершил роды. В ней было очень мало крови, она сегодня не ела. Я рассек корсет, легко вспоров дешевый материал, обнажил пронзенное сердце, отделил кишечник от мезентерия, вытащил наружу примерно ярд толстой кишки, удалил почки и часть матки. Потом расширил первый разрез. Оголив позвоночник, принялся раскачивать болтающуюся голову взад-вперед, пока позвонки

не отделились друг от друга.

Глава 2. Женестьева

Шум проник в темноту. Кто-то барабанил в дверь. Настойчивые, повторяющиеся удары. Мясо и кости против дерева.

Во сне Женестьева вернулась в дни своего детства, во Францию Короля-Паука, *La Pucelle*⁵ и монстра Жилья⁶.

---

⁵ *La Pucelle d'Orleans (фр.)* – Орлеанская дева, прозвище Жанны д'Арк.

⁶ ...во Францию Короля-Паука, *La Pucelle* и монстра Жилья – имеется в виду Франция XV века. Король-Паук – это Людовик XI (1423–1483), властитель Франции, взошедший на престол в 1461 году. За беспрестанные интриги и стремление сплотить Францию вопреки желанию крупных феодалов получил прозвище Всемирный Паук. Впрочем, вторым его прозвищем было Осторожный, Благоразумный. *La Pucelle* – Орлеанская дева, Жанна д'Арк (ок. 1412–1431), легендарная святая, одна из главнокомандующих французскими войсками в Столетней войне. Монстр Жиль – Жиль де Монморанси Лаваль, барон де Рэ, граф де Бриен (1404–1440), учитель и соратник Жанны д'Арк, после ухода из армии увлекшийся оккультизмом и мистицизмом и впоследствии обвиненный в убийстве более 800 детей и собственных жен (хотя на самом деле жена у него была

«Теплой» она была дочерью лекаря, а не потомством Шанданьяка. До превращения, до Темного Поцелуя...

Дьёдонне⁷ провела языком по зубам, от сна подернутым пленкой. Во рту чувствовалось послевкусие собственной крови, тошнотворное и слегка возбуждающее.

В вечерних грезах деревянная колотушка била по обломанной посередине дубине с железным наконечником. Английский капитан прикончил ее отца-во-тьме; пришил Шанданьяка⁸, как бабочку, к окровавленной земле. Практически незаметная стычка Столетней войны. Тех варварских времен, которые, надеялась Женевьева, заслуженно отошли в мир иной.

Стук не умолкал. Она открыла глаза, взгляд упал на грязное стекло слухового окна. Солнце еще не зашло. Сны утекли мгновенно, и Женевьева проснулась столь резко, словно ей в лицо плеснули галлон ледяной воды.

Наступила тишина.

– Мадемуазель Дьёдонне, – закричал кто-то. Обычно причиной столь бесцеремонных срочных вызовов оказывался директор, но не в этот раз. Впрочем, голос она узнала. – Откройте. Скотленд-Ярд.

Женевьева села, простыни упали. Она спала на полу

одна). Послужил прототипом Синеи Бороды, в 1992 году оправдан трибуналом при французском Сенате.

⁷ Фамилия Женевьевы переводится с французского как «Богом данная».

⁸ Шанданьяк – персонаж романа Кима Ньюмана «Дракенфелс», написанный им под псевдонимом Джек Йовил для серии «Вархаммер фэнтези».

в нижнем белье, прямо на покрывале, постеленном на грубых досках.

– Еще одно убийство Серебряного Ножа.

Она отдыхала в своем маленьком кабинете, расположенном в Тойнби-холле⁹. То было вполне безопасное место, не хуже прочих, чтобы провести пару дней каждого месяца, когда слабость одолевала ее и приходилось делить с мертвыми их сон. Комната, расположенная на верхнем этаже, с крохотным слуховым оконцем и дверью, запирающейся изнутри, вполне годилась для своих целей, так же как гробы и склепы служили потомству принца-консорта.

Женевьева успокаивающе заворчала и закашлялась, стук прекратился. Тело, которым не пользовались несколько дней, потрескивало, потягиваясь. Солнце скрылось за тучей, и боль тут же ослабла. Дьёдонне встала во тьме и провела руками по волосам. Облако ушло, и ее силы тут же иссякли.

---

⁹ Тойнби-холл – реально существующее заведение, основанное в 1884 году Сэмюэлем и Генриеттой Барнетт. Он был назван в честь оксфордского историка-экономиста Арнольда Тойнби, активно выступавшего за социальные реформы и умершего в 1883 году. В реальности Тойнби-холл не работал в качестве госпиталя и был задуман как место, где оксфордские и кембриджские студенты могли жить среди бедных, помогая им. Таким образом, Барнетты надеялись, что будущие лидеры, увидев, как живут люди в нищих кварталах, изменят общество к лучшему. Работа добровольцев заключалась не только в посещении бедных семей и обеспечении юридической помощи, но и в ведении образовательных клубов для мальчиков, а также в чтении лекций – то есть Тойнби-холл обеспечивал рабочим возможность продолжать образование после того, как те окончили школу. Программа Тойнби-холла была положена в основу таких реформ, как Закон о медицинском страховании (1911) и План пенсионного обеспечения (1908).

– Мадемуазель?

Удары возобновились. Молодые всегда нетерпеливы. Когда-то и она была такой же.

Женевьева сняла с крюка платье из китайского шелка и завернулась в него. Одевание, согласно этикету, явно не приличествующее для встречи со столь нетерпеливым джентльменом, но сойдет. Правила поведения, так много значившие еще несколько лет назад, все больше теряли важность. «Новорожденные» спали в забитых землей гробах прямо в Мэй-фере и охотились стаями на Пэлл-Мэлл. В этом сезоне подобающая форма обращения к архиепископу мало кого заботила.

Дьёдонне отодвинула засов, но следы сонного тумана еще не развеялись. Снаружи умирал вечер; она не будет чувствовать себя нормально, пока ночь не вступит в свои права. Женевьева открыла дверь. Коренастый «новорожденный» стоял в коридоре, одетый в длинное пальто, похожее на плащ, нервно перекладывал котелок из руки в руку.

– Лестрейд, в самом деле, неужели вас нужно приглашать в каждое новое жилище? – поинтересовалась Женевьева. – Для представителя вашей профессии это было бы крайне неудобно. Ну, входите, входите...

Она впустила внутрь человека из Скотленд-Ярда. Заостренные зубы выступали у него изо рта, их не могли скрыть даже полуотросшие усы. «Теплым» он походил лицом на крысу; редкая растительность под носом только уси-

ливала сходство. Уши его изменились, став длинными и заостренными. Как и большинство «новорожденных» из кровной линии принца-консорта, Лестрейд еще не обрел окончательной формы. Он носил темные очки, но алые точки, светившиеся под линзами, говорили о внимательном, зорком взгляде.

Инспектор положил шляпу на стол и затараторил:

– Прошлой ночью на Чиксэнд-стрит. Это была настоящая бойня.

– Прошлой ночью?

– Прошу прощения. – Он задержал дыхание, отдавая должное ее сонному состоянию. – Сегодня семнадцатое. Сентября.

– Я спала три дня.

Женевьева открыла шкаф и осмотрела несколько нарядов, висевших внутри. Костюмов на все случаи жизни тут явно не хватало. Хотя, по здравому разумению, вряд ли в ближайшем будущем ее пригласят на королевский прием. Из драгоценностей осталось лишь маленькое распятие, принадлежавшее отцу, которое она носила редко, опасаясь расстроить каких-нибудь чувствительных «новорожденных» с глупыми идеями.

– Я счел наилучшим поднять вас. Все нервничают. Настроения самые тревожные.

– Вы были совершенно правы, – ответила она и потеряла глаза, избавляясь от пленки сна. Даже последние лучи

солнечного света, просачивавшиеся сквозь грязный квадрат стекла, казались сосульками, вонзавшимися прямо в лоб.

– Когда солнце зайдет, – продолжил Лестрейд, – наступит столпотворение. Может разразиться еще одно Кровавое воскресенье. Некоторые говорят, что вернулся сам Ван Хелсинг.

– Принцу-консарту это понравилось бы.

Инспектор покачал головой:

– Это всего лишь слухи. Ван Хелсинг мертв. Его голова покоится на пике.

– А вы проверяли?

– Дворец находится под постоянной охраной. Принц-консорт повсюду расставил своих карпатцев. Нашему роду всегда нужно быть настороже. У нас столько врагов.

– Нашему роду?

– Не-мертвым.

Женевьева чуть не рассмеялась.

– Я не из вашего рода, инспектор. Вы – потомок кровной линии Влада Цепеша, а я – Шанданьяка. Мы в лучшем случае кузены.

Детектив пожал плечами и фыркнул. Родство мало что значило для лондонских вампиров, Женевьева это понимала. Даже в третьем, десятом или двенадцатом отдалении всем им отцом-во-тьме приходился Влад Цепеш.

– Кто? – спросила она.

– «Новорожденная» по фамилии Шон. Лулу. Обыкновенная проститутка, как и все остальные.

– Она какая по счету?.. Четвертая?

– Никто не знает. Желтая пресса уже вытащила из могилы каждое нераскрытое убийство в Ист-Энде за последние тридцать лет и положила к ногам Уайтчепельского Убийцы.

– А в скольких уверена полиция?

Лестрейд опять фыркнул.

– Мы не уверены даже в том, что Серебряный Нож причастен к убийству Шон. По крайней мере, пока не будет проведено дознание, хотя я бы поставил на это свою пенсию. Я приехал к вам прямо из морга. Почерк тот же самый. А так – Энни Чэпмен и Полли Николс на прошлой неделе. Существуют различные мнения по поводу двух других женщин, Эммы Смит и Марты Тэбрэм.

– А что думаете вы?

Лестрейд прикусил губу.

– На счету Серебряного Ножа только три жертвы. Во всяком случае, из тех, о которых мы знаем. Смит подстерегли, ограбили и посадили на кол головорезы из Старого Джей-го. Предварительно изнасиловав. Обыкновенное разбойное нападение, совершенно не похожее на работу нашего парня. А Тэбрэм была «теплой». Серебряного Ножа интересуем только мы. Вампиры.

Женевьева поняла.

– Это человек ненавидит нас, – продолжил Лестрейд, – и ненавидит страстно. Убийства, возможно, были совершенны в неистовстве, но в них есть холодность. Он убивает

прямо на улицах, в полной темноте. Не просто режет тела жертв, а расчленяет, анатомирует. А вампиров не так-то легко убить. Наш человек не простой безумец. У него есть причина.

Инспектор явно принимал эти преступления близко к сердцу. Уайтчепельский Убийца оставлял глубокие раны. От недопонимания «новорожденных» бросало то в одну, то в другую крайность, они корчились от распятий из-за народных сказок, которые едва знали.

– Слухи распространяются?

– И быстро. История попала в вечерние газеты. А сейчас о ней знает весь Лондон. Среди «теплых» многие нас не любят, мадемуазель. Они празднуют. Радуются. Когда выйдут «новорожденные», может случиться паника. Я предлагал ввести войска, но Уоррен осторожничает. После того дела в минувшем году...

Она помнила. Напуганный общественными беспорядками, последовавшими за королевской свадьбой, сэр Чарльз Уоррен, начальник городской полиции, издал эдикт, запрещающий проведение политических демонстраций на Трафальгарской площади. В ответ «теплые» мятежники, протестующие против короны и нового правительства, собрались там одним ноябрьским вечером. Уильям Моррис и Г. М. Гайндман из Социалистической демократической федерации при поддержке Роберта Каннингема-Грэма, члена парламента от радикалов, и Энни Безант из Национального

светского общества призывали к свержению монархии¹⁰. По-

---

¹⁰ Уильям Моррис (1834–1896) – английский писатель, художник, поэт, издатель, а также основатель и владелец знаменитой компании «Моррис, Маршалл, Фолкнер и Ко.» по производству предметов декоративно-прикладного искусства. Как и многие критики того времени (например, Джон Рескин или Уолтер Пейтер), он не верил в машинное производство, и на его фабрике все делалось вручную, а рабочие получали очень приличную зарплату. Большая любовь к Средневековью не помешала Моррису стать предтечей современного дизайнера, особенно в области шпалерной выделки. Будучи социалистом по убеждениям, в реальности к 1887 году он уже не состоял в Социалистической демократической федерации, основав Социалистическую лигу. Генри Майерс Гайндман (1842–1921) – социалист, основатель Социалистической демократической федерации – первой в Великобритании партии этого толка. Пропагандист марксистских идей, он систематически вызывал недовольствие как Фридриха Энгельса, так и самого Маркса тем, что хотя и соглашался с исторической частью «Капитала», но не хотел иметь ничего общего с радикальными выводами «Манифеста коммунистической партии». Выступая за всеобщее избирательное право и национализацию средств производства, он слыл крайне авторитарным руководителем, а главное, был весьма переменчив в своих взглядах, то противостоя ирландскому гомрулю, то, напротив, становясь членом Ирландской земельной лиги. Роберт Каннингем-Грэм (1852–1936) – шотландский политик, писатель, журналист и искатель приключений. Чрезвычайно колоритная фигура, он стал первым социалистом в парламенте и сумел пробиться в палату общин с предвыборной программой, требовавшей среди прочего самоуправления для Шотландии, всеобщего избирательного права, роспуска палаты лордов и отделения англиканской церкви от государства. Впоследствии его мандат приостановили и запретили посещать палату общин за неуважительные замечания в адрес палаты лордов, а также за сквернословие (Каннингем-Грэм произнес с трибуны слово «проклятие»). Он был другом Джозефа Конрада, Джорджа Бернарда Шоу, Гилберта Кийта Честертона и Джона Голсуорси. Энн Безант (1847–1933) – писательница, оратор, борец за права женщин, пропагандистка ирландского и индийского самоуправления, одно время была лектором Национального светского общества. Правда, в 1890 году она познакомилась с Еленой Блаватской и несколько сменила свои приоритеты, по-прежнему агитируя за ирландское и индийское самоуправ-

следовали яростная, да что греха таить, откровенно жестокая борьба. Женеви́ева наблюдала за ней со ступеней Национальной галереи. Она оказалась не единственным вампиром, кто хотел примкнуть к предполагаемой республике. Не только «теплые» считали Влада Цепеша чудовищем. Элеанор Маркс, сама «новорожденная» и автор, совместно с доктором Эдвардом Эвелингом, «Вампирского вопроса»¹¹, произнесла страстную речь, призывающую к отречению от престола королевы Виктории и изгнанию принца-консорта.

– ...не могу сказать, что виню его. Тем не менее у округа Н нет средств и возможностей для подавления восстания¹². Скотленд-Ярд послал меня пришпорить местных пар-

---

ление, но отойдя от секуляризма и атеизма. В 1907 году Безант стала президентом Британского теософского общества. Национальное светское общество – британская агитационная организация, основанная в 1866 году знаменитым викторианским атеистом Чарльзом Брэдлафом и выступающая за продвижение секуляризма и отделение церкви от государства.

¹¹ Элеанор Маркс (1855–1898) – социальная активистка, переводчик (в частности, она переводила на английский язык пьесы Генрика Ибсена), журналист, критик, младшая дочь Карла Маркса. Эдвард Биббинс Эвелинг (1849–1898) – социалист, атеист, переводчик «Капитала» Карла Маркса, а также партнер и сожитель Элеанор Маркс. В 1886 году они действительно написали знаменитую работу «Женский вопрос», с чем Ньюман и проводит параллель. Интересно, что Ньюман сделал Маркс «новорожденной», памятуя, скорее всего, о ее печальной судьбе, так как в реальности Элеанор покончила жизнь самоубийством, узнав о том, что Эдвард Эвелинг тайно женился на актрисе Еве Фрай.

¹² Согласно Полицейскому акту 1869 года, юрисдикция Столичной городской полиции была разбита на четыре района, каждый из которых, в свою очередь, делился на пять округов, и каждый обозначался буквой английского алфавита, за исключением округа Темзы. Округ Н занимал практически весь район Уайт-

ней, но у нас и так куча дел по поимке убийцы, не хватало еще толпы с серпами и кольями.

Женевьеве стало интересно, в какую сторону сейчас прыгнет сэр Чарльз. В ноябре комиссар, который раньше был скорее солдатом, чем полицейским, а теперь превыше всего ставил интересы вампиров, отправил армию. Еще до того, как пришедший в замешательство судья до конца прочитал текст Закона о бунтах, офицер гвардейских драгун приказал людям, как «теплым», так и вампирам, очистить площадь. После этой атаки собственная Карпатская гвардия принца-консорта окружила толпу, нанеся больше ущерба зубами и когтями, чем драгуны – примкнутыми штыками. Несколько человек погибло, многие получили увечья, затем последовала череда судебных процессов и немало «исчезновений». 13 ноября 1887 года стали называть Кровавым воскресеньем¹³. Женевьева провела неделю в госпитале Гая¹⁴,

---

чепела, и на его территории находилось четыре полицейских участка. К 29 декабря 1888 года в округе Н служило 587 полицейских.

¹³ «Кровавое воскресенье» имело место и в реальности, причем фактически с теми же участниками и в тот же день. Поводом для демонстрации в очередной раз послужил ирландский вопрос, а именно – введенные на территории Ирландии законы о приостановке Habeas corpus, а также арест члена парламента Уильяма О'Брайена, ратовавшего за земельную реформу в Ирландии. В ходе акции последовали столкновения между полицией и демонстрантами, три человека погибли, сотни получили травмы от ударов дубинками. Каннингем-Грэма арестовали и приговорили к шестинедельному тюремному заключению. Безант также старалась обратить на себя внимание полиции, но ее попытки остались незамеченными. Надо отметить, что, хотя на сцене и присутствовали войска, в наступление они не пошли. Кроме того, полиция использовала только ду-

помогая людям, получившим не самые серьезные ранения. Многие плевали ей вслед и отказывались принимать помощь от представителей ее вида. Если бы не вмешательство самой королевы, которая успокоила подданных, по-прежнему обожавших ее, империя могла взорваться, подобно бочке с порохом.

– И что, скажите на милость, я могу сделать, – спросила Женевьева, – дабы послужить целям принца-консорта?

Лестрейд пожевал ус, блистая зубами, на губах его застыли хлопья пены.

– Нам может понадобиться ваша помощь, мадемуазель. Тойнби-холл будет перегружен. Одни не захотят оставаться на улице, пока там разгуливает убийца. Другие станут сеять панику и призывать к мятежу, разжигая толпы, которые и так на грани того, чтобы взять суд в свои руки.

– Я – не Флоренс Найтингейл.

– Но у вас есть влияние...

– Неужели?

– Я бы хотел... Я смиренно прошу вас... чтобы вы использовали свое влияние, дабы несколько сгладить ситуа-

---

бинки и кулаки, приказа примкнуть штыки и обнажить сабли не было. В реальности «Эры Дракулы», как видно, все пошло по более трагическому сценарию, и можно сделать вывод, что там Кровавое воскресенье оказалось гораздо более кровавым, чем в действительности.

¹⁴ Госпиталь Гая находится в Саутуарке, в центральном Лондоне. Он основан в 1721 году Томасом Гаем и теперь является одним из крупнейших госпиталей в Англии, а также образовательным учреждением.

цию. Прежде чем случится несчастье. Прежде чем появятся совершенно ненужные жертвы.

Женевьева была не прочь насладиться вкусом власти. Она сняла платье, повергнув гостя в шок. Смерть и перерождение не лишили его предубеждений времени. Лестрейд съезжился за дымчатыми очками, пока она быстро переодевалась, отточенными движениями пальцев с острыми ногтями застегивая сотни маленьких крючков и пуговиц на юбке бутылочно-зеленого цвета и жакете. Как будто костюм «теплых» дней, замысловатый и неуклюжий, похожий на полный набор доспехов, вернулся и теперь преследует ее. Поначалу, только став вампиршей, она с большим облегчением носила простые блузы и клетчатые штаны, ставшие приемлемыми, если не модными, после Орлеанской девы, и клялась, что никогда больше не закует себя в удушающий официальный наряд.

Инспектор был слишком бледен, чтобы заметно покраснеть, но пятнышки размером с пенни появились на его щеках, и он непроизвольно с шумом задышал. Лестрейд, как и множество других «новорожденных», обращался с ней, словно ей было столько лет, сколько они могли дать на вид. Когда Шанданьяк одарил Женевьеву Темным Поцелуем, ей исполнилось шестнадцать. Она была старше Влада Цепеша примерно на десять лет или даже больше. Когда еще «теплый» христианский князь прибывал к головам турецких солдат их собственные тюрбаны и насаживал соплеменни-

ков на заостренные колья, она уже стала «новорожденной» и обучалась навыкам, благодаря которым оказалась в итоге самым долгоживущим представителем своей кровной линии. Если за плечами четыре с половиной столетия, трудно не сердиться, когда недавно поднявшийся, едва остывший мертвец относится к тебе со снисходительностью и покровительством.

– Серебряного Ножа надо найти и остановить, – сказал Лестрейд, – прежде чем он убьет снова.

– Несомненно, – согласилась Женестьева. – Дело явно подошло бы для твоего старого помощника, того детектива-консультанта.

Усилившимся восприятием, явно подсказывавшим, что наступает ночь, она почувствовала, как застыло сердце инспектора.

– Мистер Холмс не занимается расследованиями, мадемуазель. У него разногласия с нынешним правительством.

– Вы хотите сказать, что его вывезли, как и множество других наших лучших умов, в эти загоны, находящиеся в Сассекских холмах? Как там их называют в «Пэлл-Мэлл гэзетт»? В концентрационные лагеря?

– Я сожалею о недостаточной широте его взглядов...

– Где он? В Чертовом Рве?¹⁵

---

¹⁵ Чертов Ров – реально существующее место, долина в форме буквы V около 100 метров глубиной, расположенная в Западном Сассексе. По преданиям, ее выкопал дьявол, желая затопить местные храмы. Но, работая, он разбудил старушку, которая вышла посмотреть, что происходит, зажгла свечу, отчего проснулся

Лестрейд кивнул так, словно его обуял стыд. В нем еще немало осталось от человека. «Новорожденные» цеплялись за свои «теплые» жизни, как будто ничего не произошло. Сколько времени пройдет, прежде чем они превратятся в зверей, вампиров, которых принц-консорт привез из земель за лесами, в ходячее воплощение жажды, бессмысленных охотников?

Женевьева застегнула манжеты и повернулась к полицейскому, чуть вытянув руки ладонями вверх. Из-за долгой жизни без зеркал она приобрела привычку так спрашивать о том, как выглядит. Детектив ворчливо одобрил. Накинув плащ с капюшоном, Дьёдонне вышла из комнаты, Лестрейд последовал за ней.

В коридоре снаружи уже зажглись газовые фонари. За рядами стекол в низко висящем тумане умирали последние лучи вечернего солнца. Одно окно открыли, впуская прохладный воздух. Женевьева чувствовала в нем жизнь. Скоро ей придется кормиться, через два или три дня. После отдыха иначе нельзя.

– Дознание по делу Шон начинается сегодня ночью, – ска-

и закукарекал петух. Дьявол подумал, что уже утро, и сбежал, не докопав ров. Уходя, он швырнул через плечо последнюю горсть земли, из которой образовался остров Уайт. В Викторианскую эпоху это место стало настоящим туристическим аттракционом. Здесь располагались ярмарки, играли оркестры, была построена обсерватория. В те времена, когда у Ньюмана в Чертовом Рве создали концлагерь, в реальности там проложили железную дорогу для туристов, а позже – фуникулер для осмотра окрестностей.

зал Лестрейд, – в Институте рабочих юношей¹⁶. Крайне желательно, чтобы вы присутствовали.

– Очень хорошо, но сначала мне надо поговорить с директором. Кто-то должен взять на себя мои обязанности, пока я отсутствую.

Они подошли к лестнице. Здание оживало. Независимо от того, насколько принц-консорт изменил облик Лондона, нужда в Тойнби-холле – основанном преподобным Сэмюэлем Барнеттом в память о покойном филантропе Арнольде Тойнби – все еще не пропала. Нищим требовался кров, еда, медицинский уход, образование. «Новорожденные» – потенциально бессмертные бедняки – чувствовали себя едва ли лучше, чем их «теплые» братья и сестры. Для многих угол в Ист-Энде становился последним прибежищем. Женестьева чувствовала себя Сизифом, вечно закатывающим камень наверх, теряя ярд с каждым преодоленным футом.

На площадке первого этажа сидела темноволосая маленькая девочка с тряпичной куклой на коленях. Одна рука у нищенки высохла, с нее складками свисали кожистые мембраны, тускло-коричневая одежда была подрезана, дабы не стес-

---

¹⁶ Институт рабочих юношей был открыт в 1878 году торговцем Генри Хиллом для того, чтобы обеспечить для молодых рабочих иное место отдыха помимо мюзик-холлов и пабов и так уберечь их от алкоголя и греха. В институте была библиотека, шло несколько образовательных курсов, имелся зал для физических упражнений с инструктором. К 1887 году институт находился по адресу Уайтчепел-руд, 137, и именно там проводилось дознание по делам Мэри Энн Николс и Энн Чэпмен.

нять свободу движения. Лили улыбнулась, показав острые, но неровные зубы.

– Жени, – произнесла девочка, – смотри...

Улыбаясь, она протянула вперед тонкую, болезненно худую руку. Та удлинилась, стала более жилистой. Натянулась шерстистая серовато-коричневая перепонка.

– Я работаю над крыльями. Полечу к луне и обратно.

Женевьева отвернулась и увидела, как Лестрейд осматривает потолок. Она снова обратилась к Лили и опустилась перед ней на колени, глядя ее руку. Толстая кожа казалась неправильной на ощупь, словно мускулы под ней терлись друг о друга. Ни локоть, ни запястье не сочленялись как положено. Влад Цепеш изменял форму без каких-либо усилий, но «новорожденные» его кровной линии выполнить такой трюк уже не могли. Правда, это их не останавливало, и они часто пытались.

– Я принесу тебе сыра, – сказала Лили. – В подарок.

Женевьева погладила волосы девочки и встала. Дверь в кабинет директора оказалась открытой. Вампирша вошла, постучав по дереву, прежде чем миновать порог. Начальник расположился за столом, изучая лекционное расписание вместе со своим секретарем Моррисоном. Директор был моложавым и все еще «теплым», но лицо его уже испещряли морщины, а в волосах виднелась седина. Многие, кто прошел через последние изменения в стране, ходили на него, выглядя старше своих лет. Лестрейд последовал за Дьёдонне

в кабинет. Директор поздоровался с ним. Моррисон, тихий молодой человек со склонностью к литературе и японским гравюрам, отошел в тень.

– Джек, – сказала Женестьева. – Инспектор Лестрейд желает, чтобы завтра я посетила дознание.

– Произошло еще одно убийство, – директор не спрашивал, а констатировал факт.

– «Новорожденная», – пояснил детектив, – на Чикс-энд-стрит.

– Лулу Шон¹⁷, – добавила Женестьева.

– Мы знали ее?

– Возможно, только под другим именем.

– Артур может проверить картотеку, – сказал директор, глядя на инспектора, но подав знак Моррисону. – Вам понадобятся детали.

---

¹⁷ Лулу Шон – главная героиня пьес Франка Ведекинда «Дух Земли» (1895) и «Ларец Пандоры» (1904), объединенных в общий цикл «Лулу», так как эти два произведения сюжетно связаны друг с другом. По пьесе «Ларец Пандоры» Георг Вильгельм Пабст снял свой знаменитый фильм «Ларец Пандоры» (1929), где роль Лулу исполнила Луиза Брукс. Среди других воплощений этого персонажа надо отметить не законченную композитором Альбаном Бергом оперу «Лулу», поставленную в 1937 году, кинофильм Валериана Боровчика «Лулу» (1980) и двухдисковый альбом группы «Металлика» и Лу Рида Lulu (2011), прохладно принятый как слушателями, так и критиками. Естественно, Лулу Шон не относится к официальному перечню жертв Джека-потрошителя (это Мэри Энн Николс, Энн Чэпмен, Кэтрин Эддоус, Элизабет Страйд и Мэри Джейн Келли), но по сюжету «Ларца Пандоры» она погибает в Лондоне, будучи проституткой, от рук одного из своих клиентов по имени Джек. Более подробно о бурной и печальной судьбе Лулу Шон будет рассказано далее.

– Она тоже была уличной девушкой? – осведомился секретарь.

– Да, разумеется, – ответила Дьёдонне. Молодой человек уставился в пол.

– Думаю, она была у нас. Это одна из тех, что выгнал Бут¹⁸.

Лицо Моррисона исказилось от одного упоминания имени генерала. Армия спасения объявила живых мертвецов отверженными, лишенными Царства Божия, хуже любого пьяницы. «Теплый» Моррисон не разделял их предубеждений.

Директор побарабанил пальцами по столу. Он выглядел как обычно, словно вес всего мира неожиданно лег на его плечи.

– Ты можешь меня отпустить?

– Друитт возьмет на себя твои обходы, когда вернется с крикета. И Артур поможет, как только уладим вопрос с расписанием лекций. Да мы, кстати, в любом случае не ожидали

---

¹⁸ Уильям Бут (1829–1912) – проповедник-методист, основавший и возглавивший в 1865 году Армию спасения. Эта христианская организация предлагала помощь неимущим и занималась активным проповедничеством методизма. Для нее была характерна псевдоеенизированная структура. Уильям Бут занимал пост генерала, других проповедников называли офицерами, а рядовых членов организации – солдатами. В своей книге 1890 года «В самой темной Англии и на пути оттуда» Бут агитировал за организацию домов для бездомных, ферм, где городских бедняков можно было бы обучить сельскому хозяйству, специальных образовательных и тренировочных центров для эмигрантов, домов для падших женщин и отпущенных заключенных. Отношение к Армии спасения было различным, многих раздражал ее воинственный образ, гимны и парады. Армия спасения во многом не разделяла позиций официальной англиканской церкви, а потому отношение Бута в романе к вампирам довольно естественно.

тебя еще ночь или две.

– Благодарю.

– Не за что. Держи меня в курсе событий. Это такое ужасное дело.

Женевьева согласилась.

– Я сделаю все, что смогу, чтобы успокоить местных. Лестрейд опасается мятежей.

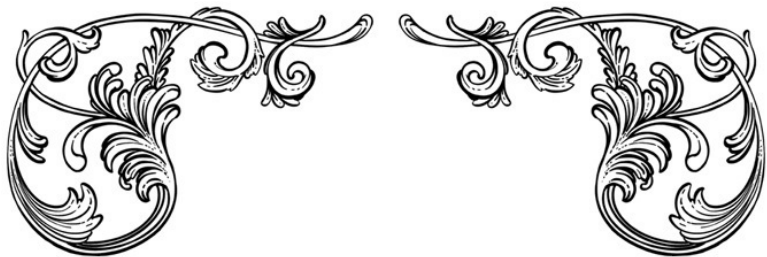
Полицейский явно чувствовал себя неуютно и не находил себе места от смущения. На секунду Женевьева показалась себе мелочной, дразня «новорожденного» подобным образом. Она была несправедлива к нему.

– Я действительно могу чем-нибудь помочь. Поговорить с «новорожденными» девушками. Убедить их обратиться за помощью, посмотреть, не знает ли кто чего-нибудь.

– Прекрасно, Женевьева. Удачи. А вам доброго вечера, Лестрейд.

– Доктор Сьюард, – сказал детектив, приподнимая шляпу, – доброй вам ночи.

Глава 3. Ночной прием

Флоренс Стокер изящно позвонила в маленький колокольчик, украшенный, разумеется, алюминиевым, а не серебряным орнаментом. Обычно на его легкое треньканье приходила служанка, но теперь оно привлекло внимание публики, собравшейся в гостиной. Болтовня застольных разговоров и бесед сразу стихла. Гости превратились в благодарных зрителей, внимающих игре хозяйки.

– Объявление неминуемо, – провозгласила Флоренс, обрадовавшись настолько, что клонтарфский¹⁹ акцент, за которым она обычно пристально следила, просочился в ее голос. Чарльз Борегар неожиданно стал узником собственного тела. С Пенелопой под руку он едва ли мог пойти на попятную, но сейчас обстоятельства резко изменились. Уже несколько месяцев он стоял на краю пропасти, теперь же, безмолвно

¹⁹ Клонтарф – район Дублина, где родились Флоренс и Брэм Стокеры.

крича, рухнул вниз, прямо на острые скалы.

– Пенелопа, мисс Чёрчвард²⁰, – начал Борегар, остановившись, чтобы откашляться, – оказала мне честь...

Все в гостиной сразу всё поняли, но ему тем не менее пришлось выдавливать из себя слова, хотя сейчас Чарльзу больше хотелось выпить чашечку того бледного чая, что Флоренс подавала в изысканных сосудах по китайской моде.

Пенелопа, потеряв терпение, сделала все за него:

– Мы женимся. Весной следующего года.

Ее хрупкая рука крепко сжала его ладонь. С самого детства Пенелопа слишком любила выражение «Но я хочу сейчас». Чарльз же почувствовал, что густо краснеет. Полный абсурд. Едва ли кто-нибудь мог принять его за впавшего в восторг юношу. Он уже был женат. До Пенелопы, на Памеле. Старшей мисс Чёрчвард. И это могло вызвать упреки.

– Чарльз, мои поздравления, – сказал Артур Холмвуд, лорд Годаминг, и, резко улыбнувшись, пожал свободную

---

²⁰ Родство мисс Пенелопы Чёрчвард с писателем Джеймсом Чёрчвардом доказать трудно, но тем не менее пройти мимо такого совпадения сложно. Джеймс Чёрчвард (1851–1936) – известный писатель-окультист, инженер, изобретатель и завзятый рыбак. Прежде чем прославиться своими теориями об истинном происхождении человечества, он выпустил два путеводителя по рыбным местам реки Святого Лаврентия и штата Мэн. Популярность же он приобрел, когда начал писать книги о потерянном континенте Му, рае на Земле, управляемом жреческой кастой наакалов. Именно племена Му населили Землю изначально, а во всех древних религиях человечества, согласно Чёрчварду, можно найти следы культа солнца, который исповедовали жители потерянного континента. Свою теорию писатель изложил в восьми книгах, опубликованных в период с 1926 по 1935 год.

руку Борегара. Он явно знал о том, насколько жесткой стала его хватка после обращения.

Невеста высвободилась из объятий, и ее сразу окружили дамы. Кейт Рид, выделявшаяся на фоне совершенства Пенелопы очками и непослушной копной волос, а потому прекрасно подходившая на роль доверенного лица мисс Чёрчвард, помогла ей сесть и принялась с восторгом обмахивать ее веером, упрекая подругу, что та скрыла от нее такую тайну. Пенелопа, словно мед, обволакивающий соль, наказала ей не быть такой ворчуньей. Кейт, одна из новых женщин, писала статьи о велосипедизме для журнала «Тит-битс»²¹ и сейчас находилась под изрядным впечатлением от какого-то нового устройства под названием «пневматическая шина»²².

Вокруг мисс Чёрчвард суетились так, словно та объявила о болезни или что ждет ребенка. Памела, о которой всегда вспоминали окружающие, когда рядом находилась Пенелопа, умерла при родах, ее огромные глаза сомкнулись от невыносимой боли в Джагадри семь лет назад. Ребенок, мальчик,

---

²¹ Английский журнал «Тит-битс», или, если переводить полное название, «Лакмные кусочки из всех интересных книг, журналов и газет мира», был основан в 1881 году Джорджем Ньюсом. Он пользовался большим спросом и специализировался главным образом на историях, привлекающих максимальное внимание, на драмах и сенсациях. В целом для того времени Кейт Рид работала не в самом престижном издании.

²² Обыкновенная пневматическая шина действительно была изобретена Джоном Бойдом Данлопом в 1887 году, а на следующий год – запатентована.

пережил мать всего на неделю. Борегар даже не потрудился запомнить, как чуть не пристрелил на месте тамошнего дурака-доктора.

Флоренс обсуждала что-то с Бесси, единственной оставшейся служанкой, и отослала черноглазую девушку с особым поручением.

Уистлер²³, постоянно улыбающийся художник из Америки, протиснулся мимо Годамминга, отодвинув того локтем и игриво стукнул Борегара по руке.

– Не осталось для тебя никакой надежды, Чарли, – сказал он, тыкая в воздух перед лицом Борегара толстой сигарой. – Еще один славный малый пал на поле боя.

Борегару удалось выдавить из себя убедительную улыбку. Он не хотел объявлять о помолвке на званой полночи миссис Стокер. После возвращения в Лондон Чарльз редко выходил в свет. Флоренс оставалась непоколебимой в роли хозяйки салона для модных и знаменитых, хотя вопрос о пропавшем мистере Стокере постоянно витал в воздухе. Никто так и не набрался достаточного мужества или жестокости, чтобы поинтересоваться Брэмом, которого, по слухам, отправили в Чертов Ров после ссоры с лордом-гофмейстером²⁴ из-за

---

²³ Джеймс Эбботт Макнил Уистлер (1834–1903) – знаменитый художник, родившийся в Америке, но большую часть жизни проведший в Англии. Один из ведущих адвокатов идеи «искусства ради искусства». Повлиял на развитие импрессионизма и символизма в живописи.

²⁴ Лорд-гофмейстер – один из главных управляющих королевского двора Великобритании, обычно ответственный за организацию всей дворцовой деятель-

вопроса об официальной цензуре. Только высокопоставленное вмешательство со стороны Генри Ирвинга²⁵, работодателя Стокера, спасло Брэма от участи его друга Ван Хелсинга, чья голова красовалась на пике перед дворцом. Завлеченный Пенелопой на это изрядно поредевшее собрание, Борегар заметил и других отсутствовавших. Здесь, за исключением Годаминга, не оказалось вампиров. Многие из бывших гостей Флоренс – особенно сам Ирвинг и его прима, несравненная Эллен Терри²⁶, – отвернулись от нее. Возможно, не хотели иметь отношения к слухам о республиканских настроениях, царивших в салоне, хотя хозяйка, всегда поощрявшая дискуссии на своих полных приемах, часто говорила о том, что политика ее не интересует. Флоренс (чью неутомимую борьбу за то, чтобы окружить себя блестящими мужчинами и женщинами, чуть менее красивыми, чем она сама, Борегар

ности.

²⁵ Генри Ирвинг (1838–1903) – урожденный Генри Ирвинг Бродрибб, один из самых известных театральных актеров Викторианской эпохи, стал воплощением английского классического театра, первым из представителей своего цеха получив титул рыцаря. Он играл в театре «Лицеум», и его полномочия простирались гораздо дальше собственно актерских, включая функции режиссера, декоратора, художника и чуть ли не механика сцены. Брэм Стокер занимал должность управляющего в театре «Лицеум» и был близко знаком с Генри Ирвингом. Последний отличался довольно авторитарным нравом, распорядился Стокером чуть ли не как мальчиком на побегушках, и, по одной из версий, именно он оказался прототипом образа графа Дракулы.

²⁶ Эллен Терри (1847–1928) – английская театральная актриса, в Викторианскую эпоху – ведущая исполнительница главных ролей в пьесах Шекспира. Стала примадонной труппы Ирвинга в 1878 году.

находил несколько раздражающей, в чем не всегда признавался даже себе) думала о праве королевы на власть не больше, чем о праве Земли вращаться вокруг Солнца.

Бесси вернулась с пыльной бутылкой шампанского. Все осторожно поставили на стол свои чашки и блюдечки. Флоренс дала служанке крохотный ключик, и девушка открыла шкаф, в котором оказалась целая куча бокалов.

– Нам надо произнести тост, – настаивала хозяйка, – за Чарльза и Пенелопу.

Мисс Чёрчвард уже скользнула к Борегару и быстро взяла его за руку, красуясь.

Бутылку передали Флоренс. Та принялась разглядывать ее, словно не понимая, с какой стороны открывать. Обычно с пробками возился дворецкий. Хозяйка растерялась. Положение спас лорд Годалминг – двигаясь с грацией ртути, сочетая быстроту с показной расслабленностью, он взял бутылку. Лорд был не первым вампиром, которого видел Борегар, но заметнее прочих изменился после обращения. Большинство «новорожденных» путались и неумело пользовались новыми недостатками и возможностями, но его светлость, с осанкой и манерами, возвращенными многими поколениями аристократической фамилии, приспособился к новому положению в совершенстве.

– Позвольте мне, – сказал он, перебросив салфетку через руку, словно официант.

– Благодарю тебя, Арти, – забормотала Флоренс. – Я такая

слабая...

Он одарил ее кривой улыбкой, обнажив длинный верхний клык, вонзил ноготь в пробку, а затем вырвал ее из горлышка с такой легкостью, словно подбросил монету. Шампанское забурило, и Годаминг наполнил бокалы, которые Флоренс подала на подносе. Его светлость принял легкие аплодисменты с милой улыбкой. Для мертвеца лорд просто бурлил жизнью. Каждая женщина в комнате не сводила с него глаз. В том числе и Пенелопа, чего не мог не заметить Борегар.

Его невеста ничуть не напоминала свою кузину. Только иногда, всякий раз застигая его врасплох, она произносила какую-нибудь фразу, присущую Памеле, или привычным жестом в точности копировала движение его покойной жены. Естественно, у нее были глаза и рот Чёрчвардов. Когда он впервые женился, одиннадцать лет назад, Пенелопе исполнилось девять. Борегар помнил несколько отталкивающую девочку – в детском переднике и соломенной шляпке с узкими полями, – которая манипулировала своей семьей так умело, что весь мир вращался вокруг нее. Помнил, как сидел на террасе и наблюдал за тем, как маленькая Пенни насмешками довела сына садовника до слез. Его будущая невеста по-прежнему, как в ножнах, таила в своем бархатном рту очень острый язычок.

Бокалы разобрали. Пенелопе удалось принять свой, ни на секунду не отпустив руки жениха. Она получила приз и теперь не позволит ему сбежать.

Честь произносить тост, естественно, выпала Годалмингу. Он поднял бокал, поймав пузырьками лучи света, и изрек:

– Эта новость повергла меня в грусть, ибо теперь я переживаю потерю. Меня снова повергли, надо мною взял верх мой хороший друг Чарльз Борегар. Я никогда не оправлюсь от поражения, но признаю Чарльза победителем. Я верю, что он будет для моей дорогой Пенелопы прекрасным мужем.

Борегар, став средоточием всеобщего внимания, чувствовал себя неуютно. Ему не нравилось, когда на него смотрели. В его профессии было неблагоприятно привлекать чье-либо внимание.

– За прекрасную Пенелопу, – провозгласил Годалминг, – и замечательного Чарльза...

– За Пенелопу и Чарльза, – раздалось эхо голосов.

Мисс Чёрчвард зафыркала, как кошка, когда пузырьки зашекетали ей нос, а Борегар неожиданно для себя сделал большой глоток. Выпили все, кроме Годалминга, который поставил свой бокал на поднос нетронутым.

– Прошу прощения, – сказала Флоренс, – я иногда забываюсь.

Хозяйка снова вызвала Бесси.

– Лорд Годалминг не пьет шампанского, – объяснила она девушке. Та все поняла и расстегнула манжету блузки.

– Спасибо, Бесси, – поблагодарил его светлость и взял руку служанки, словно чтобы поцеловать, а потом повернул ее

ладонью вверх, как будто читая линии судьбы.

Борегар не мог побороть легкую тошноту, но никто больше не подал вида. Ему стало интересно, сколько человек здесь всего лишь принимали равнодушную позу, а сколько искренне привыкли к поведению существа, в которое превратился Артур Холмвуд.

– Пенелопа, Чарльз, – сказал Годалминг, – я пью за вас...

Раскрыв рот широко, до краев, как кобра, лорд присосался к запястью Бесси, легко проткнув кожу заостренными резцами. Он слизнул струйку крови. Вся компания была зачарована. Пенелопа прижалась ближе к Борегару, щекой к его плечу, но не отвела взгляда от Годалминга и служанки. То ли делала вид, то ли кормление вампира ее действительно не беспокоило. Лорд жадно пил, и в какой-то момент Бесси покачнулась, колени ее подогнулись. Веки девушки трепетали от чего-то среднего между болью и наслаждением. Наконец она тихо упала в обморок, и Годалминг, выпустив запястье, умело ее подхватил, словно любящий донжуан, удерживая на ногах.

– Вот какой эффект я произвожу на женщин, – сказал он, и зубы его рдели от крови, – и это крайне неудобно.

Артур положил потерявшую сознание Бесси на диван. Рана не кровоточила. Годалминг не взял у нее слишком много. Борегар решил, что девушка не в первый раз привлекала к себе внимание вампира, так как приняла все очень спокойно. Флоренс, столь легко предложившая кровь служан-

ки гостю, села рядом с нею и обмотала ее запястье платком. Она совершила эту операцию так, будто повязала ленту лошади – с добротой, но без особенной заботы.

На мгновение у Борегара закружилась голова.

– Что с тобой, милый? – спросила Пенелопа, обняв его.

– Шампанское, – солгал он.

– А в нашем доме всегда будет шампанское?

– Как ты захочешь.

– Ты так добр ко мне, Чарльз.

– Возможно.

Покончив с первой помощью, Флоренс снова засуетилась около жениха и невесты.

– Не теперь, – сказала она, – для всего этого найдется достаточно времени после свадьбы. Сегодня же вы должны быть бескорыстными и поделиться собой с нами.

– Действительно, – подошел Годалминг, – для начала я требую своего права как поверженный рыцарь.

Борегар пришел в замешательство. Лорд промокнул платком кровь со рта, но губы его все еще блестели, а верхние зубы имели розоватый оттенок.

– Поцелуй, – объявил Годалминг, беря Пенелопу за руку. – Я требую поцелуя от невесты.

По счастью, Артур не заметил, как ладонь Чарльза сжалась в кулак, словно ухватившись за рукоятку меча-трости. Борегар почувствовал опасность столь же ясно, как и в Натале, когда черная мамба, самая смертоносная репти-

лия на земле, подползла к его голой ноге. Решительный удар клинком отделил ядовитую голову змеи от тела, и она не успела ничего совершить. Тогда он имел все основания благодарить свои хладнокровие и реакцию, сейчас же убеждал себя, что принимает все чересчур близко к сердцу.

Годалминг привлек Пенелопу к себе, и она подставила ему щеку для поцелуя. На секунду, показавшуюся Чарльзу бесконечной, Годалминг прижал губы к ее лицу, а потом отпустил.

Остальные, мужчины и женщины, собрались вокруг, также желая поцеловать невесту. Пенелопу затопила волна обожания, но она перенесла ее с достоинством. Никогда еще Борегар не видел свою невесту такой красивой и настолько похожей на Памелу.

– Чарльз, – к нему подошла Кейт Рид, – ты все и так знаешь... эм... Мои поздравления и так далее. Прекрасные новости.

Бедная девушка залилась краской, лоб ее заблестел.

– Спасибо, Кэти.

Он поцеловал ее в щеку, и она пробормотала:

– Боже.

Потом с еле заметной улыбкой указала в сторону Пенелопы:

– Я должна идти, Чарльз. Пенни хочет...

Мисс Чёрчвард призывала всех полюбоваться на замечательное кольцо, красующееся на ее изысканном пальце.

Чарльз и Артур отошли к окну, в сторону от остальных. Снаружи уже поднялась луна, слабое сияние сочилось сквозь туман. Чарльз мог разглядеть решетку дома Стокеров, но и только. Особняк Борегаров находился дальше, на Чейни-уок; желтая стена клубящейся мглы скрывала его, словно там ничего не существовало.

– Чарльз, мои искренние поздравления. Ты и Пенни должны быть счастливы. Это приказ.

– Спасибо, Арт.

– Ты нам нужен, – сказал вампир. – И должен обратиться как можно скорее. С каждым днем обстановка в стране становится все интереснее.

Этот вопрос уже поднимался ранее. Борегар промолчал.

– И Пенни тоже, – настаивал Годалминг. – Она прекрасна. Преступление – позволить увянуть такой красоте.

– Мы подумаем об этом.

– Только не слишком долго. Годы летят.

Чарльзу захотелось выпить что-нибудь покрепче шампанского. Стоя близко к Артуру, он почти чувствовал дыхание «новорожденного». На самом деле вампиры отнюдь не выдыхали смердящее облако, но в воздухе, казалось, все равно разливался какой-то слабый аромат, сладковатый и острый. А в зрачках Годалминга время от времени появлялись красные точки, похожие на крохотные капли крови.

– Пенелопа, возможно, захочет иметь семью.

Вампиры, насколько знал Борегар, не могли рожать при-

вычным способом.

– Детей? – переспросил Артур, не отводя глаз от Чарльза. – Если можешь жить вечно, они становятся вещью избыточной.

Борегару стало не по себе. Сказать по правде, он и сам не чувствовал уверенности, что хочет стать отцом. Из-за его профессии будущее отличалось непредсказуемостью, а после того, что случилось с Памелой...

Чарльз устал, вдобавок разболелась голова, словно Годамлинг вытягивал из него жизненные соки. Некоторые вампиры могли не сосать кровь, впитывая энергию других посредством психического осмоса.

– Нам нужны люди вроде тебя, Чарльз. У нас появилась возможность сделать эту страну по-настоящему сильной. Твои навыки очень понадобятся.

Если бы лорд Годамлинг узнал о тех навыках, которым Борегар на самом деле научился на службе Короне, то он бы, скорее всего, сильно удивился. После Индии Чарльза отправили в Шанхайский международный сеттльмент, а затем в Египет, где Борегар работал под началом лорда Кромера²⁷.

---

²⁷ Шанхайский международный сеттльмент – территория Шанхая, с 1842 по 1943 год находившаяся под международным управлением. Ко времени службы Борегара это было место, где переплетались интересы Британской империи, Соединенных Штатов, Франции (хотя французы с 1848 года образовали у южной границы британского сеттльмента Шанхайскую французскую концессию), России и Китая с собственной полицией, пожарной службой и даже армией. Эвелин Бэринг, 1-й граф Кромер, с 1883 по 1907 год был генеральным консулом Египта, а фактически его истинным правителем, так как мог отлучать от должности

«Новорожденный» положил руку ему на предплечье и сжал так, что у Чарльза чуть не отнялись пальцы.

– В Британии никогда не будет рабов, – продолжил Годалминг, – но те, кто остаются «теплыми», естественно, станут служить нам, как прекрасная Бесси сегодня послужила мне. Подумай об этом, а то кончишь кем-то вроде полкового водоноса.

– В Индии я знал водоносов, которые были лучше многих известных мне людей²⁸.

Флоренс пришла к Чарльзу на помощь и отправила обоих обратно к гостям. Уистлер рассказывал о последних новостях своей продолжающейся распри с Джоном Рескином, жестоко высмеивая критика²⁹. Благодарный за предоставлен-

---

любых египетских министров, не согласных с британскими инициативами.

²⁸ Аллюзия на стихотворение Джозефа Редьярда Киплинга «Ганга Дин» о полковом водоносе, который ценой собственной жизни вытащил раненого героя из боя. В 1939 году режиссер Джордж Стивенс поставил по стихотворению Киплинга фильм о водоносе Ганге Дине, который мечтал стать солдатом.

²⁹ Джон Рескин (1819–1900) – знаменитый художественный и социальный критик, филантроп, помогавший движению прерафаэлитов и активно пропагандировавший его. Он особо почитал творчество Джорджа Тернера, фигуры, которая в какой-то мере являлась воплощением художественной мысли Викторианской эпохи. В 1877 году Уистлер подал в суд на Рескина, после того как тот опубликовал жесткую критику на его картину «Ноктюрн в черном и золотом. Падающая ракета», выставленную в галерее «Гросвенор». В своих письмах 1870-х годов, адресованных рабочим и озаглавленных «Форс Клавигера», Рескин писал о картине Уистлера следующее: «До сего дня я видел и слышал немало бесстыдства и наглости со стороны кокни, но никак не ожидал того, чтобы щеголь просил двести гиней за банку краски, брошенную в лицо публики». Уистлер надеялся отсудить у Рескина 1000 фунтов за клевету, а также возложить на него все су-

ную возможность уединиться, Борегар встал около стены, наблюдая за представлением художника. Тот, привыкший быть звездой полуночников Флоренс, явно обрадовался прекращению суеты из-за помолвки Борегара. Пенелопа затерялась где-то в толпе.

Чарльз снова задумался о том, правильную ли дорогу выбрал – и о том, насколько решение о помолвке действительно принадлежало ему. Он пал жертвой заговора, имевшего целью поймать его в ловушку женственности и с блеском обставленного где-то между китайским чаем и кружевными салфетками.

Лондон, куда Борегар вернулся, сильно отличался от того города, который он покинул три года назад. Над каминном висела патриотическая картина: пухлая Виктория, вновь обретшая молодость, и принц-консорт, с огромными усами и красными глазами. Неизвестный автор парадного портрета

дебные расходы. Суд состоялся 25–26 ноября 1878 года, сам критик не присутствовал из-за проблем со здоровьем, и судья удовлетворил иск художника, правда, по приговору Уистлер получил только один фартинг, а судебные издержки разделили поровну между истцом и ответчиком. В результате расходы Рескина покрыли путем общественных пожертвований, а Уистлер на процессе разорился. Художник, известный своим неуживчивым нравом, обидчика так и не простил, тогда как Рескин, к тому времени не вполне здоровый психически, практически прекратил критическую деятельность. Уистлер описал весь процесс в памфлете «Уистлер против Рескина: искусство и художественные критики», который впоследствии вошел в его книгу «Изящное искусство создавать себе врагов» (1890). Русский перевод выпущен издательством «Искусство» в 1970 году. Фактически к 1888 году распря уже давно закончилась, хотя в мире Ньюмана все могло сложиться иначе.

не представлял угрозы талантам Уистлера. Чарльз Борегар служил своей королеве и теперь полагал, что должен служить и ее мужу.

Дверной колокольчик прозвучал тогда, когда американец сделал удивительное предположение – возможно, не слишком подходящее для преимущественно женского общества – касательно давнишнего расторжения брака своего закланного врага³⁰. Раздраженный помехой, он возобновил рассказ, в то время как Флоренс, сама раздосадованная тем, что Бесси сейчас не могла исполнять свои непосредственные обя-

---

³⁰ Рескин женился на Эффи Грей, дочери его знакомых, в 1848 году. Их семейная жизнь не сложилась, жена ушла от него к художнику Джону Эверетту Милле в 1854 году, и уже в июле этого года брак был расторгнут. В качестве причины развода Грей указала «неизлечимую импотенцию» мужа и его полную невозможность исполнять супружеские обязанности. Рескин все отрицал, но причины краха его семейной жизни спровоцировали живое обсуждение как среди современников, так и среди более поздних исследователей. Основания для развода назывались самые разные и самого интимного рода. Неизвестно, какое из них выдвигал Уистлер в романе, но есть несколько предположений. Сама Эффи Грей писала в своем письме родителям: «...в прошлом году он наконец поведал мне причину... он воображал женщин совершенно другими, не такими, какой он увидел меня, и он не сделал меня своей женой потому, что его отвратила моя персона в тот первый вечер 10 апреля [1848 года]». Один из первых биографов Рескина, Мэри Лютиенс, в своей работе «Милле и Рескины» (1967) предположила, что Рескина отвратило наличие у невесты лобковых волос, которых он никогда не видел у древнегреческих статуй. Другой исследователь, Питер Фуллер (в книге «Теория: искусство и отсутствие благости» 1988 года), предположил, что в подобной реакции критика виновата менструальная кровь. Этой же версии придерживаются и биографы Рескина Тим Хилтон и Джон Батчелор. Так что, как мы видим, у Уистлера было несколько вариантов, которыми он мог в тот вечер смутить дам.

занности, поспешила к двери.

Борегар заметил, что Пенелопа сидит впереди и мило смеется, притворяясь, что поняла инсинуации Уистлера. Годалминг стоял за ее креслом, скрестив руки за спиной, его острые ногти оставляли углубления в мягкой ткани. Артур Холмвуд уже не был тем человеком, которого Чарльз знал до отъезда из Лондона. С ним приключился скандал, буквально перед возвращением Борегара. Как и Брэм Стокер, лорд выбрал неправильную сторону, когда принц-консорт впервые приехал в Лондон. Теперь же он доказывал свою верность новому режиму.

– Чарльз, – тихо сказала Флоренс, чтобы снова не прерывать Уистлера. – Тебя ждет человек. Из твоего клуба.

Она подала ему визитную карточку. Без имени, с простой надписью: «Клуб „Диоген“».

– Такова природа моей работы, – объяснил он. – Принеси за меня извинения Пенелопе.

– Чарльз?..

Он уже вышел в прихожую, Флоренс пришлось идти следом. Чарльз взял плащ, шляпу и трость. Еще какое-то время Бесси будет слишком слаба, но он надеялся, что ради чести миссис Стокер служанка сможет проводить гостей, когда им настанет пора уходить.

– Я уверен, Арт отвезет Пенелопу домой, – сказал Борегар, тут же пожалев о своем предложении. – Или мисс Рид.

– Это серьезно? Я уверена, тебе не нужно уходить так ско-

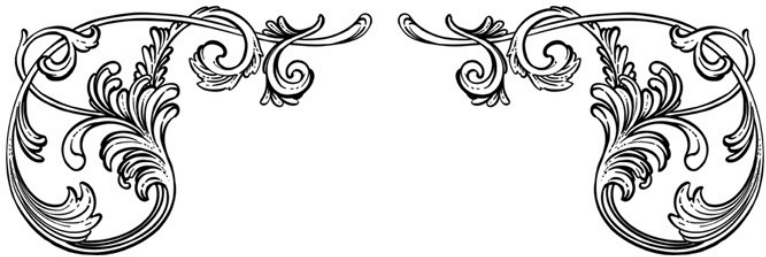
ро...

Человек с поджатыми губами, который принес карточку, ждал на улице, рядом с ним у поребрика стоял экипаж.

– Я не всегда властен над своим временем, Флоренс. – Чарльз поцеловал ей руку. – Благодарю тебя за любезность и доброту.

Он вышел из дома Стокеров, пересек тротуар и взобрался в кеб. Вестник, придерживавший дверь, сел рядом. Кучер знал, куда ехать, и тут же взял с места. Борегар увидел, как Флоренс возвращается в дом, не желая впускать внутрь холод. Туман сгустился, и Чарльз отвернулся, привыкая к равномерному движению экипажа. Посланник ничего не сказал. Хотя вызовы из клуба «Диоген» никогда не приносили хороших новостей, Борегар чувствовал облегчение, покинув салон Флоренс и его общество.

Глава 4. Блюз Коммершиал-стрит

В полицейском участке на Коммершиал-стрит Лестрейд представил Женеьеву инспектору Фредерику Эбберлайну³¹. Тот с разрешения помощника комиссара, доктора Роберта Андерсона³², и главного инспектора Дональда Суонсона³³ возглавлял продолжающееся расследование. Рассмотрев дела Полли Николс и Энни Чэпмен с привычным упорством,

---

³¹ Фредерик Эбберлайн (1843–1929) – главный инспектор Городской лондонской полиции, возглавлявший расследование убийств Джека-потрошителя.

³² Сэр Роберт Андерсон (1841–1918) – помощник комиссара, занимавший этот пост в Лондонской полиции с 1888 по 1901 год. Андерсон считал, что вокруг преступлений Джека-потрошителя раздувают слишком много шума. Заступив на должность, он сразу уехал на длительный отдых во Францию, правда, через месяц его вызвали обратно, когда скандал из-за Потрошителя разгорелся с небывалой силой.

³³ Дональд Суонсон (1848–1924) – старший офицер Лондонской полиции, был назначен Андерсоном ответственным за расследование убийств Джека-потрошителя.

но без каких-либо значительных результатов, «теплый» детектив теперь получил в нагрузку Лулу Шон и всех, кому предстояло последовать за ней.

– Если я смогу каким-либо образом помочь... – предложила Женевьева.

– Послушай ее, Фред, – сказал Лестрейд, – она много знает.

Эбберлайн, явно не особо впечатленный, понимал, что из политических соображений лучше будет проявить вежливость. Как и сама Женевьева, он не мог взять в толк, зачем инспектору надо, чтобы та присоединилась к расследованию.

– Считаю ее экспертом, – добавил Лестрейд. – Она знает вампиров. А нынешнее дело, в конце концов, все равно сводится к вампирам.

Инспектор жестом отмел это предположение, но один из нескольких сержантов, присутствовавших в помещении, – Уильям Тик³⁴, известный под кличкой Джонни Прямой, –

---

³⁴ Уильям Тик, сержант (1845–1930) – реально существовавший офицер полиции. Как и в романе, он арестовал Джона Пицера 22 сентября и давал свидетельские показания на дознании по делу Энни Чэпмен. Некий мистер Г. Т. Хэслвуд в письме Министерству внутренних дел от 14 октября 1889 года обвинял Тика в том, что именно он и является Джеком-потрошителем. Происхождение странной клички Тика «Джонни Прямой» точно не известно. По свидетельству Уолтера Дью, будущего главного инспектора Скотленд-Ярда, который первым вошел в комнату, где убили Мэри Джейн Келли, Тика так называли за идеальную осанку, а также абсолютную честность и прямооту в методах работы. По другой версии, Артура Хардинга, уловника из Бетнал-Грин, свое прозвище Тик заработал из-

кивнул, соглашаясь. Он брал показания у Женевьевы после первого убийства и произвел на нее впечатление человека правдивого и умного, как о том и говорила его репутация, хотя вкус сержанта в выборе пиджаков вызывал исключительно сожаление.

– Серебряный Нож – это убийца вампиров, совершенно точно, – встрял Тик. – Мы имеем дело не с какими-то жертвами ограблений.

– Мы не знаем наверняка, – отрезал Эбберлайн, – и я не хочу прочесть об этом в «Полис гэзетт».

Тик замолчал, удовлетворенный тем, что прав. В прошлый раз во время допроса сержант сказал, что, по его мнению, Серебряный Нож воображал, будто ему причинил вред один из отпрысков Влада Цепеша, – вероятно, так и было на самом деле. Женевьева, хорошо зная повадки сородичей, согласилась с ним, но понимала: такое описание подходит слишком многим в Лондоне, и совершенно бесполезно составлять список подозреваемых, основываясь только на этой гипотезе.

– Мне кажется, сержант Тик прав, – сказала она полицейскому.

за того, что подставлял подозреваемых (прозвище Upright, таким образом, происходит от сленгового выражения fit up). Уильям Тик стал героем очерка Джека Лондона «Люди бездны», посвященного жизни в бедных кварталах Лондона. Вторая глава книги называется «Джонни Прямой» (в русском переводе «Джонни Апрайт») и посвящена описанию жизни и быта сержанта Тика, который к тому времени уже перевелся в железнодорожную полицию.

Лестрейд согласился, но Эбберлайн отвернулся и отдал распоряжение другому сержанту, Джорджу Годли. Жене-вьева улыбнулась и заметила, как Тик вздрогнул. Как и большинство «теплых», он знал о кровных линиях, бесконечных разновидностях и иерархии вампиров еще меньше, чем толпа «новорожденных» принца-консорта. Уильям смотрел на нее и видел кровососа, обратившего его дочь, изнасиловавшего жену, опередившего на служебной лестнице, убившего друга. Она не знала его историю, но догадывалась, что гипотеза возникла на основе личного опыта, что он сделал предположение о мотивах убийцы, поскольку понимал их.

Эбберлайн провел весь день, допрашивая констеблей, первыми прибывших на место преступления, а потом отправился туда сам. Он не нашел ни единой относящейся к делу улики и даже не сделал заявления о том, что Шон действительно стала еще одной жертвой так называемого Уайтчепельского Убийцы. Во время короткого пути от Тойнби-холла они слышали, как разносчики газет кричат о Серебряном Ноже, но, по официальной версии, только Чэпмен и Николс были убиты одной рукой. Множество других нераскрытых дел – Шон присоединилась к Тэбрэм, Смит и остальным, – которые пресса связывала с ним, вполне могли оказаться совершенно другими преступлениями. Серебряный Нож едва ли приобрел исключительное право на убийство, хотя бы даже в этой части города.

Лестрейд и Эбберлайн ушли посоветоваться. Последний – вероятно, сам того не понимая, – всегда находил какие-то другие дела, требующие его незамедлительного присутствия, как только появлялась необходимость непосредственного общения с вампиром. Он зажег трубку и слушал доводы Лестрейда, которые тот перечислял, загибая пальцы. Между Эбберлайном, главой Департамента уголовного розыска округа Н, и Лестрейдом явно намечался спор о юрисдикции. Проныра из Скотленд-Ярда, по предположениям, был одним из шпионов доктора Андерсона, и его отправил лично Суонсон проверить детективов непосредственно в деле и присвоить себе любую славу, но остаться анонимным, если результатов окажется недостаточно. Лестрейд, Андерсон и Суонсон были типичными шотландцем, англичанином и ирландцем из пьес мюзик-холлов и часто становились объектами карикатур Уидона Гроссмита³⁵ из «Панча»³⁶, где они без дела расхаживали на месте преступления и уничтожали улики, к досаде простого полицейского, который чем-то напо-

---

³⁵ Уолтер Уидон Гроссмит (1854–1919), более известный просто как Уидон Гроссмит, – английский писатель, художник и актер. В 1887–1888 годах в «Панче» публиковался отдельными выпусками юмористический роман «Дневник незначительного лица», проиллюстрированный Гроссмитом и написанный им совместно с его братом Джорджем. На русский язык роман переведен Еленой Суриц и издан только в 2007 году.

³⁶ «Панч» – сатирическое еженедельное издание, основанное в 1847 году знаменитым журналистом Генри Мэйхью. Особо популярный в пятидесятых-шестидесятых годах XIX века, «Панч» повлиял на развитие искусства карикатуры по всему миру и просуществовал практически до 1992 года.

минал Фреда Эбберлайна. Женевьеве стало интересно, сможет ли она, едва ли похожая на французскую девчонку из такого рода историй, войти в роль? И не захочет ли Лестрейд использовать ее в качестве рычага воздействия на полицейских?

Она осмотрела уже занятую приемную участка. Двери постоянно открывались, впуская туманные сквозняки, и с хлопаньем закрывались. Снаружи расположились несколько заинтересованных делом сборищ. Ансамбль из Армии спасения, размахивая крестом Святого Георгия, яростно поддерживал проповедника Христианского крестового похода, который призывал Божий суд на вампиров, защищая Серебряного Ножа как истинный инструмент Воли Христовой. Торквемаду из Уголка ораторов постоянно прерывали несколько профессиональных бунтарей в потрепанных штанах и с длинными волосами, представляющих различного вида республиканские и социалистические движения. Всех их высмеивала группа изрядно раскрашенных вампирш, предлагавших дорогие поцелуи и дешевые обращения. Многие «новорожденные» заплатили, чтобы стать потомством уличной шлюхи, купив бессмертие всего за шиллинг.

– А кто сей почтенный джентльмен? – спросила Женевьева Тика.

Сержант посмотрел на толпу и простонал:

– Сущее наказание, мисс. Он говорит, его зовут Джон

Джейго.

Квартал трущоб Джейго, расположенный в верхнем конце Брик-лейн, давно походил на криминальные джунгли из крохотных дворишков да перенаселенных комнат и, несомненно, был самым злачным притоном во всем Ист-Энде.

– Говорят, он появился оттуда. Он призывает адское пламя на головы грешников, от его речей люди чувствуют себя праведными и чистыми, когда вонзают кол в сердце какой-нибудь проститутки. Его много раз привлекали за чересчур воинственные речи. А также за пьянство, беспорядки, ну и старые добрые разбойные нападения.

Джейго был совершенно безумным фанатиком, но некоторые из толпы его слушали. Пару лет назад он бы проповедовал против евреев, фениев или китайских безбожников³⁷. Теперь настала очередь вампиров.

– Огонь и кол, – кричал Джон. – Нечистые пиявки, адские отродья, надувшаяся от крови падаль. Все они должны сгнить от огня и кола. Всех их надо очистить.

У проповедника было несколько помощников, собиравших милостыню в кепки. Они выглядели настолько сурово, что в их присутствии разница между вымогательством и по-

---

³⁷ Фении – братские организации, главной целью которых была независимость Ирландии и установление Ирландской Республики. Термин «фении» иногда употреблялся английскими властными кругами Викторианской эпохи для обозначения любых движений среди низших классов, а также для всех, кто выражал сочувствие идеям ирландской независимости, – таким образом выставляя их как угрозу общественному порядку.

жертвованием откровенно терялась.

– А денег у него явно немало, – прокомментировал Тик.

– Достаточно, чтобы посеребрить свой кухонный ножик?

Сержант уже обдумал эту возможность:

– Пять христианских крестоносцев клянутся, что он читал проповедь от всего своего крохотного сердчишка в тот момент, когда выпотрошили Полли Николс. То же самое с Энни Чэпмен. И прошлой ночью. В общем, делайте ваши ставки.

– Странноватое время для проповеди, не находите?

– Между двумя и тремя часами ночи в первом случае и между пятью и шестью утра во втором, – сказал Тик. – Как-то уж слишком красиво все упаковано, прямо с розовой ленточкой и восковой печатью. Правда, все мы теперь ночные пташки.

– Вы, скорее всего, постоянно бодрствуете ночами. Хотелось бы вам послушать речь о Боге и славе его в пять часов утра?

– Говорят, темнее всего перед рассветом³⁸, – фыркнул сержант и добавил: – К тому же Джона Джейго я не стал бы слушать в любое время дня и ночи. Особенно в воскресенье.

Тик вышел на улицу и смешался с толпой, видя, как разви-

---

³⁸ *Говорят, темнее всего перед рассветом...* – точное происхождение этого популярного выражения неизвестно. Наиболее ранним его упоминанием является текст Томаса Фуллера, английского историка и теолога, «Вид на Палестину и ее границы с гор Фасги» 1650 года. Впрочем, в 1858 году Сэмюэль Лавер, англо-ирландский поэт и писатель, в своем сборнике «Песни и баллады» приписал корни этого выражения ирландским крестьянам.

ваются обстоятельства. Женестьева, оставшись без присмотра, подумала, не вернуться ли ей в Тойнби-холл. Дежурный сержант сверился с часами и отдал приказ отпустить задержанных из участка. Группа потрепанных мужчин и женщин вышла из камер – судя по всему, они даже успели немного протрезветь и теперь выстроились в шеренгу, ожидая официального освобождения. Женестьева узнала большинство из них: здесь оказалось полно тех – как вампиров, так и «теплых», – кто проводил ночи, скитаясь между камерами предварительного заключения, лазаретом работного дома и Тойнби-холлом в поисках ночлега и бесплатной еды.

– Мисс Ди, – крикнула женщина оттуда. – Мисс Ди...

Большинство людей в Англии с немалым трудом выговаривали фамилию Дьедонне, поэтому она часто использовала инициалы. Как и множество обитателей Уайтчепела, Женестьева имела много имен.

– Кэти, – сказала она, признав «новорожденную», – с тобой хорошо обращались?

– Прилично, мисс, прилично, – ответила та, жеманно и глупо улыбнувшись дежурному сержанту. – Тут все от человека зависит.

Кэти Эддоус едва ли стала лучше выглядеть, превратившись в вампира. Джин и ночи на улицах оставили на ней след; красный блеск в глазах и крашенные волосы не скрывали рябую кожу под изрядным слоем пудры. Как и многие женщины в Уайтчепеле, Кэти все еще торговала телом ради

выпивки. В крови ее клиентов, наверное, было столько же алкоголя, сколько в джине, ставшем причиной ее падения в «теплой» жизни. «Новорожденная» кокетливо поправила волосы, уложив красную ленту, которая не давала жестким прядям упасть на широкое лицо. С внутренней стороны ее руки виднелась свежая язва.

– Дай-ка взглянуть, Кэти.

Женевьева уже видела подобные отметины. Недавно обратившимся приходилось соблюдать осторожность. Они были сильнее «теплых», но большая часть их диеты оказывалась порченной. Вампиризм не спасал от болезней, и Темный Поцелуй принца-консорта, переданный в любом поколении, странно и непредсказуемо изменял недуги, которые человек уносил с собой в послесмертие.

– У тебя много таких язв?

Кэти покачала головой, но Женевьева поняла, что да. Прозрачная жидкость сочилась из покрасневшего участка кожи на внутренней стороне руки. Влажные пятна на тесном корсете говорили о куда большем количестве нарывов. Эддоус носила шарф, обернутый по какой-то неестественной моде, скрывая шею и верхнюю часть груди. Женевьева отлепила шерстяную ткань от нескольких блестящих ран и ощутила едкое зловоние. Что-то явно было не так, но Кэти Эддоус суеверно полагала, что лучше об этом и не знать.

– Ты должна прийти сегодня в Тойнби-холл. Покажись доктору Сьюарду. Он лучше тех врачей, что станут осматри-

вать тебя в лазарете. С твоим состоянием можно что-нибудь сделать, я обещаю.

– Да со мной все в порядке, милая.

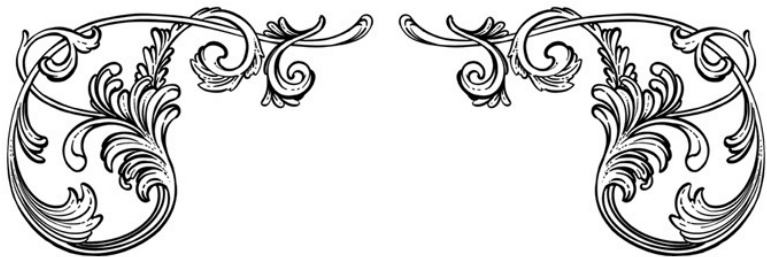
– Нет, пока ты не получишь лечение, Кэти.

Та попыталась рассмеяться и, покачиваясь, отправилась на улицу. На одной из туфель не хватало каблука, поэтому ее походка казалась комическим ковылянием. Эддоус подняла голову, обернула вокруг себя шарф, словно герцогиня меховое боа, и, пройдя перед христианскими крестоносцами Джейго с явным намерением подразнить их, исчезла в тумане.

– Кэти остался от силы год, – заметил дежурный сержант, «новорожденный» с похожим на хоботок выступом посередине лица.

– Нет, если я смогу помочь ей, – ответила Женевьева.

Глава 5. Клуб «Диоген»

Борегара впустили в непримечательное фойе дома на улице Пэлл-Мэлл. Через двери этого заведения проходили самые замкнутые и нелюдимые люди во всем королевстве. В стенах клуба собралась величайшая коллекция эксцентриков, мизантропов, чудаков и безумцев, находящихся на свободе, вполне сравнимая с палатой лордов. Чарльз передал перчатки, шляпу и трость безмолвному камердинеру, который разместил их на полке в гардеробе. Почтительно снимая с Борегара плащ, слуга быстро проверил, не прячет ли тот в одежде револьвера или кинжала.

Созданное, по видимости, для удобства того типа людей, что стремятся жить в полной изоляции от родственников, это непритязательное заведение на задворках Уайтхолла на самом деле имело гораздо большее значение. Абсолютная тишина была правилом: нарушителей безжалостно

изгоняли без какого-либо возмещения ежегодных взносов за единственное слово, которое те могли пробормотать себе под нос, решая кроссворд. Одиноким скрип некачественной кожаной подошвы мог стоить участнику пятилетнего испытательного срока. Члены клуба, знавшие друг друга в лицо более шестидесяти лет, не имели ни малейшего понятия, кто есть кто на самом деле. Естественно, все это казалось совершенно абсурдным и непрактичным. Борегар представлял себе, что произойдет, если в читальном зале вспыхнет пожар: как люди будут упорно сидеть в дыму и никто не осмелится позвать на помощь, даже когда вокруг начнет вздыматься пламя.

Разговоры разрешалось вести только в двух местах: в Комнате Чужаков, где члены клуба время от времени принимали важных гостей, и в гораздо менее знаменитом звуконепроницаемом кабинете на верхнем этаже. Это помещение принадлежало тайному совету клуба, группе лиц, в большинстве своем связанных через незначительные официальные должности с правительством Ее Величества. Совет состоял из пяти уважаемых членов общества, которые по очереди председательствовали на собраниях. За те четырнадцать лет, что Борегар провел, исполняя приказы клуба, в совете сменилось девять человек. Когда член «Диогена» умирал, ему быстро и обдуманно подбирали замену, и это всегда происходило за одну ночь.

Ожидая аудиенции, Борегар ощущал на себе внимание

незримых глаз. Во время Фенианской динамитной кампании в клуб проник Иван Драгомилов³⁹, желая уничтожить всю правящую клику. Его задержал в фойе привратник, после чего самозваного этичного убийцу⁴⁰ бесшумно удавили, дабы не оскорблять чувства и не возбуждать интереса рядовых членов клуба. Через минуту или две – покой здесь никогда не тревожило тиканье часов – камердинер, действуя словно по мысленной команде, поднял пурпурный канат, перегораживающий вход на ничем не примечательную лестницу, и кивнул Борегару.

На ступенях тот вспомнил о предыдущих случаях, когда его вызывали пред очи правящей клики. Подобная встреча непременно заканчивалась поездкой в отдаленный уголок мира и подразумевала конфиденциальные вопросы, касающиеся интересов Великобритании. Борегар считал себя чем-то средним между дипломатом и курьером, хотя иногда ему приходилось брать на себя роль исследователя, взлом-

---

³⁹ Фенианская динамитная кампания проводилась представителями Ирландского республиканского братства в Великобритании с 1881 по 1885 год. Основной целью террористических актов была английская инфраструктура, полицейские и государственные органы. Всего за четыре года прогремело 19 взрывов.

⁴⁰ Драгомилова называли этичным убийцей, так как согласно сюжету романа Джека Лондона «Бюро убийств» он был председателем организации наемных убийц, которые занимались устранением продажных полицейских, коррумпированных политиков и преступников. Бюро приступало к делу только тогда, когда было уверено в стопроцентной виновности подозреваемого. В конце концов Драгомилов получил заказ сам на себя и, согласно своему кодексу этики, принял его, но оставил за собой право защищаться.

щика, мошенника или чиновника. Иногда во внешнем мире дела клуба «Диоген» называли Большой игрой⁴¹. Негласные баталии правительства – те, что велись не в парламентах или дворцах, а на улочках Бомбея и в игорной преисподней Ривьеры, – обеспечивали Чарльзу разнообразную и полную приключений карьеру, хотя природа ее была такова, что сделать себе состояние, написав в отставке мемуары, он бы не смог.

Пока Борегар отсутствовал, проводя в жизнь Большую игру, Влад Дракула захватил Лондон. Князь Валахии и король вампиров, он добился руки и сердца Виктории, убедив ее отринуть черное убранство вдовы, а потом перестроил величайшую империю на планете сообразно своим вкусам. Чарльз клялся, что даже смерть не нарушит его верность королеве, но всегда думал, что говорил о собственной кончине.

Покрытые ковром ступени не скрипели. Толстые стены не пропускали шума суетящегося снаружи города. Осмелив-

---

⁴¹ Большой игрой в XIX веке называли противостояние Британской и Российской империй в Средней Азии. Классический период Большой игры обычно отсчитывают от Русско-персидского договора 1813 года и заканчивают Англо-русским соглашением 1907 года, хотя в дальнейшем частью Большой игры называли и советско-английское противостояние в Средней Азии и Афганистане во время Гражданской войны, и даже войну в Афганистане 1980-х годов. На данный момент термин «Большая игра» часто используется для обозначения геополитики в целом, хотя нередко упоминается и так называемая Новая Большая игра – столкновение в Средней Азии интересов блока НАТО с одной стороны и России с Китаем – с другой. Изобретение термина обычно приписывается Артуру Конолли (1807–1842), офицеру разведки Ост-Индской компании, а в обиход это понятие ввел Редьярд Киплинг в романе «Ким» (1901).

шлись зайти в клуб «Диоген», любой понимал, какво это – быть глухим.

Принц-консорт, принявший также титул лорда-протектора, правил ныне Великобританией, а его потомство исполняло все прихоти и желания своего родителя. Элитная Карпатская гвардия патрулировала территорию Букингемского дворца и пиროвала по всему Вест-Энду, нагоняя на его обитателей священный ужас. Армия, флот, дипломатический корпус, полиция и церковь оказались в рабстве у Дракулы, «новорожденных» продвигали по карьерной лестнице за счет «теплых» при любой возможности. Многое продолжалось как прежде, но изменения не заставили себя ждать: начали исчезать люди, в отдаленных уголках страны возникали лагеря, вроде Чертова Рва, изменился аппарат правительства. Тайная полиция, неожиданные аресты, ставшие привычными казни – все это Борегар всегда ассоциировал не с королевой, а, скорее, с царями и шахами. В дебрях Шотландии и Ирландии шайки республиканцев играли в Робин Гудов, а размахивающие крестами викарии регулярно клеймили «новорожденных» провинциальных мэров тавром Каина.

На верхней площадке стоял человек, судя по усам – военный, с шеей толщиной с голову. Даже в гражданской одежде его безошибочно можно было принять за сержанта. Осмотрев Борегара, охранник открыл знакомую зеленую дверь и отступил в сторону, разрешая члену клуба пройти внутрь.

Тот вошел в кабинет, которой иногда называли Звездной палатой, и только потом осознал, что сержант Дравот⁴², стерегущий вход, – вампир, первый, которого Чарльз увидел в стенах клуба. На одну ужасную, тошнотворную секунду он представил, что когда его глаза привыкнут к полумраку внутри помещения, то увидят пять раздувшихся пиявок, клыкастых чудовищ, пунцовых от чужой крови. Если и тайный совет «Диогена» пал, значит, долгому правлению живых людей действительно пришел конец.

– Борегар, – раздался вполне обычный голос, но после минуты, проведенной в тиши клуба, он прозвучал как гром среди ясного неба. Мимолетный страх прошел, сменившись легким замешательством. В комнате вампиров не оказалось, но многое явно изменилось.

– Господин председатель, – ответил он.

Существовало правило не обращаться к кому-либо из кабинета по имени или титулу, находясь в этой комнате, но Борегар знал, что сейчас стоит перед сэром Мандеви-

---

⁴² Впервые сержант Дэниел Дравот появился в рассказе Редьярда Киплинга «Человек, который хотел быть королем». Правда, там он выступает не в качестве исполнительного и предприимчивого служаки, а в роли авантюриста-масона, благодаря собственной находчивости и счастливому стечению обстоятельств ненадолго ставшего королем вымышленной горной страны Кафиристан. Впоследствии обман разоблачили, а Дравот погиб. В 1975 году Джон Хьюстон экранизировал этот рассказ, Дравота сыграл Шон Коннери, а его напарника Пичи – Майкл Кейн. Ким Ньюман в «Ча-ча-ча Дракулы», третьей книге цикла, обыгрывает эту роль, сделав Дравота отцом-во-тме специального агента Хэмиша Бонда.

лем Мессерви, вроде бы ушедшим в отставку адмиралом⁴³, сделавшим себя имя, подавив двадцать лет назад работорговию в Индийском океане. Также присутствовали Майк-рофт, чрезвычайно тучный джентльмен, председательствовавший в прошлый визит Чарльза, и Уэверли, добродушный человек, который, как понимал Борегар, единолично отвечал за падение полковника Ахмеда Ораби-паша и оккупацию Каира в 1882 году⁴⁴. За круглым столом оставалось еще

---

⁴³ Непосредственно такого персонажа нет ни в истории, ни в литературе, но он, похоже, является родственником адмирала сэра Майлса Мессерви, знаменитого М из цикла Йена Флеминга о Джеймсе Бонде. Впервые этот персонаж под оперативным псевдонимом появляется в «Казино „Рояль“», а его имя раскрывается только в «Человеке с золотым пистолетом», когда М занимает должность директора МИ-6.

⁴⁴ Уэверли, по всей видимости, является предком Александра Уэверли, главы Первой секции службы U. N. C. L. E. (что расшифровывается как United Network Command of Law and Enforcement – Объединенная командная сеть закона и принуждения), в акрониме которой кроется аллюзия как на «дядю Сэма» (в русском переводе существует даже вариант Д. Я. Д. Я.), так и на Организацию Объединенных Наций. Впервые Александр Уэверли появился в известном американском сериале 1964–1968 годов «Человек из U. N. C. L. E.», где его играл Лео Г. Кэрролл. В 1882 году действительно произошла вторая англо-египетская война, когда египетские офицеры подняли восстание против хедива Тауфика и усиления влияния англичан в зоне Суэцкого канала. После бегства хедива Ораби-паша, сыгравший немалую роль в восстании и получивший в новом правительстве пост военного министра, сосредоточил всю власть в своих руках. Но уже 13 июня англичане принялись обстреливать Александрию, положив начало войне, а 13 сентября в битве при Тель-эль-Кебире египетская армия потерпела поражение, и англичане взяли Каир. Ораби поймали, приговорили к смертной казни, но потом сослали на остров Цейлон, откуда тот вернулся, получив помилование, в 1901 году.

два свободных места.

– Увы, как вы сами видите, нас стало меньше. Вы, конечно, знаете, что в стране произошли перемены. Клуб «Диоген» уже не тот, каким был.

– Сигарету? – предложил Уэверли, достав серебряный портсигар.

Борегар отказался, но ему все равно бросили блестящую коробочку. Чарльз успел поймать ее и вернуть. Уэверли улыбнулся и опустил вещицу в нагрудный карман.

– Холодное серебро, – пояснил он.

– В этом не было нужды, – сказал Мессерви. – Мои извинения. Тем не менее эффектная демонстрация, не правда ли?

– Я не вампир, – Борегар показал свои необожженные пальцы. – Уж это должно быть очевидным.

– Они хитрые, Борегар, – сказал Уэверли.

– Между прочим, один из них стоит снаружи.

– Дравот – это особый случай.

Раньше Чарльз считал тайный совет клуба «Диоген» неуязвимым, всегда бьющимся львиным сердцем Британии. Теперь же, в первый раз после своего возвращения из-за границы, ему поневоле пришлось признать, насколько сильно изменилась страна.

– Вы проделали блестящую работу в Шанхае, Борегар, – сказал председатель. – Очень ловко. Впрочем, ничего иного мы от вас не ожидали.

– Спасибо, господин председатель.

– Надеюсь, пройдет хотя бы несколько лет, прежде чем мы снова услышим об этих желтых дьяволах из Си-Фаня⁴⁵.

– Хотел бы я разделить вашу уверенность.

Мессерви глубокомысленно кивнул. Преступные тонги⁴⁶ было столь же невозможно выкорчевать и уничтожить, как и любой другой сорняк.

Перед Уэверли лежала небольшая стопка папок.

– Вы немало путешествовали: Афганистан, Мексика, Трансвааль... – Борегар согласился, раздумывая, куда же тот клонит. – Вы замечательно послужили Короне во многих трудных ситуациях. Но теперь вы нужны ближе к дому. Со всем близко.

Майкрофт, который, казалось, спал все это время с открытыми глазами – судя по вниманию, уделяемому им разговору, – склонился вперед. Нынешний председатель, похо-

---

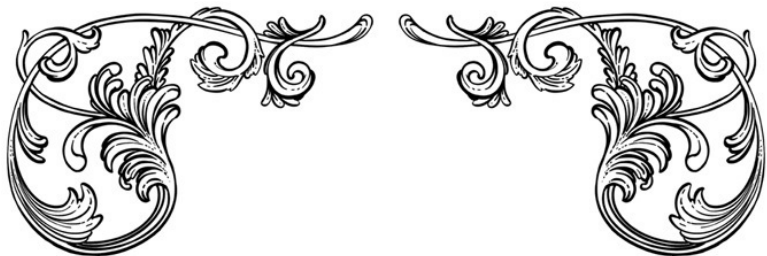
⁴⁵ Си-Фань – это древнее вымышленное тайное общество Китая, которое распространило свое влияние на весь мир. Впервые оно появилось в романе Сакса Ромера «Тайны Си-Фаня» (1913), где главным героем стал легендарный доктор Фу Манчу. Си-Фань, согласно книгам Ромера, организовывал убийства западных империалистов, а позже препятствовал распространению коммунизма и способствовал падению фашистских режимов. Главная задача общества – мешать действиям западных правительств и даже свергать их. После смерти Сакса Ромера в 1959 году общество Си-Фань возродилось в серии комиксов от «Марвел». Первый посвященный ему номер вышел в декабре 1973 года.

⁴⁶ Тонгами называли и называют тайные сообщества, часто связанные с уходом от налогов, контрабандой и организованной преступностью. В тонгах существует жесткое подчинение, их члены должны строго соблюдать тайну группы. Тонги до сих пор действуют среди китайского населения США и Канады.

же, настолько привык уступать место своему коллеге, что откинулся в кресле и позволил тому заняться делом.

– Борегар, – спросил Майкрофт, – а вы слышали об убийствах в Уайтчепеле? О так называемых преступлениях Серебряного Ножа?

Глава 6. Ящик Пандоры

47

– Что нам делать? – закричал «новорожденный» в острой кепке. – Как остановить этого злодея, режущего наших женщин?

Коронер Уинн Бакстер⁴⁸, напыщенный чиновник средних лет, причем очевидно непопулярный, явно разозлился и попытался удержать ход дознания под контролем. В отличие

---

⁴⁷ В названии главы дается ссылка на одноименную пьесу Франка Ведекинда 1904 года, вторую часть дилогии «Лулу», о которой мы уже писали в связи с Лулу Шон, а также на знаменитую экранизацию – немую мелодраму 1929 года «Ящик Пандоры» Георга Вильгельма Пабста с Луизой Брукс в главной роли.

⁴⁸ Уинн Эдвин Бакстер (1844–1920) – реально существовавший человек, бывший коронером в деле Джека-потрошителя и проводивший дознания по большинству жертв серийного убийцы. Также он был дознавателем в деле о смерти Джозефа Меррика, Человека-слона, в 1890 году. Отличался своеобразным стилем ведения допросов – прямотой, граничащей с грубостью.

от представителя Высокого суда⁴⁹, у него не было молотка, поэтому ему приходилось стучать по деревянному столу открытой ладонью.

– Если последуют еще какие-либо нарушения подобного рода, – заявил Бакстер, пристально осматривая присутствовавших, – мне придется очистить помещение.

Угрюмый грубиян, который, наверное, казался голодным, даже будучи «теплым», опустился на скамью. Его окружало сборище подобных ему. Женестьева знала такого рода типов: длинные шарфы, поношенные пальто, карманы, оттянутые книгами, и жидкие бородки. В Уайтчепеле ютилось множество республиканских, анархистских, социалистических и повстанческих фракций.

– Благодарю, – иронически произнес коронер, переключая бумагу. Буян обнажил клыки и что-то пробормотал. «Новорожденные» не любили, когда «теплые» брали над ними верх, но целая жизнь, проведенная в постоянном страхе начальственного окрика, не проходит бесследно.

Шел второй день дознания. Вчера Женестьева сидела в конце зала, пока горстка свидетелей давала показания касательно происхождения и перемещений Лулу Шон. Среди бродяжек Ист-Энда она была особенной. Графиня Гешвиц, мужеподобная вампирша, утверждавшая, что приехала с де-

---

⁴⁹ Высокий суд – имеется в виду Высокий суд правосудия, первая инстанция Верховного суда Великобритании, рассматривающий дела повышенной ценности или важности.

вушкой из Германии, выболтала кое-какие факты из биографии Лулу: ряд поддельных фамилий, сомнительных связей и мертвых мужей. Имени, с которым та родилась, никто не знал. Согласно телеграмме из Берлина, немецкая полиция все еще имела намерение допросить ее в связи с убийством недавно почившего супруга⁵⁰. Все свидетели, включая графиню Гешвиц, которая и обратила жертву, были явно влюблены в Лулу или же желали ее, отвергая все доводы рассудка. Очевидно, «новорожденная» могла стать одной из *les Grandes Horizontales*⁵¹ Европы, но глупость и несчастная судьба довели ее до участи четырехпенсовой попрошайки в самом грязном районе Лондона и в конце концов ввергли во власть жестоких милостей Серебряного Ножа.

Во время допроса Лестрейд бормотал что-то об открытом ящике Пандоры. Не было никакого сомнения, что единственным связующим звеном между Уайтчепельским Убий-

---

⁵⁰ В кратком описании судьбы Лулу Шон Ньюман ссылается на изначальный текст Ведекинда. В первой пьесе дилогии, «Духе Земли», доктор Шон находит Лулу в странствующем цирке и описывает ее как «настоящее животное». Впоследствии Лулу хладнокровно убивает доктора Шона, ставшего ее мужем (до этого она довела до смерти еще двоих мужей). Ее сажают в тюрьму, откуда она сбегает с помощью своей близкой подруги, графини Гешвиц. После многочисленных происшествий в Европе Лулу приезжает в Лондон без гроша в кармане и пытается зарабатывать проституцией, впрочем, безо всякого успеха. В результате, по тексту пьесы, и Лулу, и графиню Гешвиц убивает некий клиент по имени Джек. Как видим, Ньюман графиню пощадил.

⁵¹ Шутливое прозвище куртизанок в Европе. В буквальном переводе – «великих горизонтальных» (*фр.*).

цей и его жертвами служили исключительно смерти последних, но полиция не могла отбросить возможности того, что это были предварительно организованные убийства каких-то особенных женщин. Прямо сейчас в участке на Коммершиал-стрит Эбберлайн, Тик и другие составляли и сравнивали биографии Николс, Чэпмен и Шон, уже обросшие таким количеством деталей, каким не могло похвастаться жизнеописание какого-нибудь крупного государственного деятеля. Если бы они нашли малейшую связь между покойными, кроме того, что все они являлись вампиршами-проститутками, та могла бы привести к убийце.

Дознание началось ранним утром и растянулось до вечера, а Бакстер обратил внимание на то, что Шон делала в ночь своей смерти. Гешвиц, багровая от недавнего кормления, сообщила, что Лулу покинула снимаемый ими чердак где-то между тремя и четырьмя часами утра. Тело нашел констебль Джордж Нив⁵² в начале дежурства, примерно после шести. Покончив с Лулу прямо у всех на виду, убийца оставил ее на пороге располагавшейся в подвальном этаже квартиры. Там жила семья польских евреев, из которых на чем-то отдаленно напоминающем английский мог говорить только ребенок. Все они утверждали, как рассказала маленькая девочка после длительной перепалки на идише, что ничего не слы-

---

⁵² Реально существовавший человек, бывший свидетелем по делу об убийстве Элис Маккензи, произошедшему в 1889 году. Согласно официальному заключению, это убийство не относится к серии преступлений Джека-потрошителя.

шали, пока констебль Нив не разбудил их, чуть не снеся дверь. Ребекка Космински⁵³, вызвавшаяся переводить, оказалась единственным вампиром в семье. Женестьева уже видела ей подобных: Мелисса д'Акве⁵⁴, обратившая Шанданьяка, была из таких. Ребекка могла стать всемогущим матриархом обширного клана, но вот вырасти – никогда.

Лестрейд беспокойно ерзал, с откровенным цинизмом называя происходящее не более чем потехой для публики. Он с большим удовольствием прочесывал бы сейчас место преступления, а не сидел на твердой скамейке, сделанной для крепких задов и коротких ножек двенадцатилетних мальчишек, но он не имел права вмешиваться в дела Фреда Эбберлайна слишком часто. Инспектор мрачно поведал Женестьеве, что Бакстер знаменит длительностью проводимых им допросов. Подход коронера отличало навязчивое – если не сказать, откровенно утомительное – внимание к выбиванию из свидетелей не имеющих к делу деталей, а также поразительная бесцеремонность и грубость заключений. В итоговых замечаниях по делу Энн Чэпмен Бакстер составил гипотезу, основываясь на сплетнях, подслушанных в Мидлсек-

---

⁵³ Ребекка Космински – девятилетняя дочь Аарона Космински, двадцатипятилетнего парикмахера, которого в 1890 году положили в больницу Майл-Энд, откуда перевели в психиатрическую лечебницу Колни-Хэтч. Он проявлял явные признаки сумасшествия, и в дальнейшем именно его избрали на роль одного из главных подозреваемых в деле Джека-потрошителя.

⁵⁴ Мелисса д'Акве – персонаж романа Кима Ньюмана (написанного под псевдонимом Джек Йовил) «Дракенфелс».

ском госпитале, что убийцей или заказчиком преступления был американский доктор. Этот неизвестный эскулап, проводя исследования по физиологии живых мертвецов, по слухам, предложил двадцать гиней за свежее сердце вампира. Некоторое время царила суматоха, пока Эбберлайн пытался выследить иностранца, но затем выяснилось, что сердце вампира, пусть и несколько подпорченное, можно было, пренебрегая всякой этикой, купить в любом морге всего лишь за шесть пенсов.

Бакстер сделал перерыв перед полночью и возобновил дознание ближе к утру. Уже были доступны результаты вскрытия, и теперь дело касалось в основном очереди медиков, которые набились в морг лазарета Уайтчепельского работного дома, дабы исследовать останки Лулу Шон.

Первым вышел доктор Джордж Бэгстер Филлипс⁵⁵, полицейский хирург округа Н, хорошо известный в Тойнби-холле, – он проводил предварительный осмотр тела, найденного на Чиксэнд-стрит, и он же сделал более детальное вскрытие. Оно привело ко вполне очевидным фактам: Лулу Шон ударили ножом в сердце, выпотрошили и обезглавили. Бакстер чуть не отбил себе руку, пытаясь унять гнев присутствующих, который последовал за объявлением вполне ожидае-

---

⁵⁵ Филлипс (1834–1897) был официальным полицейским хирургом округа Н, то есть Уайтчепела. Он присутствовал на освидетельствованиях и дознаниях по делу Энни Чэпмен, Элизабет Страйд, Кэтрин Эддоус и Мэри Джейн Келли и первым сделал вывод о том, что Джек-потрошитель обладает профессиональными медицинскими и хирургическими знаниями.

мых откровений.

По закону дознания должны были проводиться в общественных местах, полностью открытых для прессы. Женева уже не раз выступала свидетелем в связи со смертью нескольких бедняков в кроватях Тойнби-холла и знала, что единственным зрителем на подобных мероприятиях обычно становился мающийся от скуки вольный журналист из Центрального агентства новостей, иногда к нему присоединялся друг или знакомый покойного. Но сейчас зал оказался еще более переполнен, чем вчера, а скамьи несли на себе такой груз, словно на сцене Кон Донован сражался с Монком за звание чемпиона в легком весе⁵⁶. Кроме репортеров, захвативших весь первый ряд, Женева заметила кучу изможденных, по большей части не-мертвых женщин в цветастых нарядах, небольшое число хорошо одетых мужчин, несколько затянутых в униформу помощников Лестрейда и по паре священников, искателей сенсаций и социальных реформаторов.

В центре комнаты сидел длинноволосый вампирский воин, справа и слева от которого, несмотря на большое количество присутствующих, места пустовали. Давно умерший, он был одет в форму Карпатской гвардии принца-консорта со стальным нагрудником; довершала картину феска

---

⁵⁶ Кон Донован (1844 – год смерти неизвестен) – реально существовавший боксер. Его бой с Томми Монком за звание чемпиона в легком весе прошел 1 февраля 1888 года и закончился победой Донована.

с кисточкой. Его лицо казалось смятым белым пергаментом, но глаза, кроваво-красными кусками мрамора угнездившиеся в мертвой пустыне кожи, постоянно подергивались.

– А вы знаете, кто это? – спросил Лестрейд.

Женевьева кивнула.

– Это Костаки, один из прихлебателей Влада Цепеша.

– От них у меня мурашки по коже, – признался «новорожденный» детектив, – от старейшин.

Женевьева чуть не рассмеялась. Костаки был моложе ее, и он присутствовал здесь явно не из праздного любопытства. Дворец заинтересовался Серебряным Ножом.

– Каждый день в Уайтчепеле несколько человек убивают такими способами, которые неведомы даже Владу Цепешу, а другие живут так, что жизнь их хуже смерти, – сказала Женевьева, – но год за годом Лондон притворяется, что мы находимся так же далеко, как Борнео. Но подай им парочку убийств покровачее – и тут становится не продохнуть от зевак и желающих помочь филантропов.

– Возможно, это даже принесет какую-то пользу, – заметил инспектор.

Доктора Бэгстера поблагодарили и отпустили, коронер вызвал Генри Джекила, доктора медицины, доктора Оксфордского и Кембриджского университетов, члена Королевского общества и так далее. Солидный мужчина лет пятидесяти с гладким лицом, явно красивый в молодости, подошел к кафедре и принес клятву.

– Как только где-нибудь убивают вампира, – объяснил Лестрейд, – Джекил тут же начинает виться поблизости. Есть в нем что-то подозрительное, если вы понимаете, о чем я...

Ученый, который первым дал детальное и анатомически точное описание совершенных зверств, был «теплым» только в том смысле, что не стал вампиром. Доктор Джекил всегда держал себя в руках, и от его холодности возникало неприятное ощущение, что никакого сочувствия к жертвам он не испытывает. Тем не менее Женестьева слушала с интересом – причем с большим, чем репортеры, принявшиеся дружно зевать в первом ряду, – те показания, которые вытаскивал из него Бакстер.

– Мы еще недостаточно изучили изменения, происходящие с человеческим метаболизмом после так называемого обращения из обычной жизни к состоянию не-смерти. Нам крайне трудно добыть точные сведения, а суеверия лондонским туманом окутывают объект исследования. Мои работы сталкиваются с безразличием властей, даже с враждебностью. Тем не менее мы все можем извлечь из них выгоду. Возможно, расслоение общества, которое ведет к трагическим инцидентам вроде смерти этой девушки, можно будет вовсе изжить.

Анархисты снова зароптали. Без общественного расслоения они бы лишились цели своего дела.

– Слишком многое из того, во что мы верим относитель-

но вампиризма, – это просто народные сказки, фольклор, – продолжил Джекил. – Кол в сердце, серебряная коса. Тело вампира обладает потрясающей упругостью и устойчивостью, но массивное поражение жизненно важных органов ведет к настоящей смерти, как в данном случае.

Бакстер хмыкнул и спросил доктора:

– Значит, по-вашему, преступник не следовал обычным суеверным практикам охотника на вампиров?

– Именно так. Мне бы хотелось озвучить некоторые факты этого дела, чтобы дать точку зрения, противоположную той, которую распространяют безответственные журналисты.

Несколько репортеров тихо выразили негодование. Портретист, сидящий перед Женеьевой и рисующий доктора Джекила для иллюстрированных газет, быстро нанес карандашом темные тени под глазами свидетеля, чтобы тот выглядел менее достойным доверия.

– Как и в случае с Николс и Чэпмен, Шон не пронзили деревянным колом или штакетиной забора. Ее рот не набили дольками чеснока, облатками для причащения или страницами, вырванными из священных текстов. Около мертвого тела не нашли распятия или какого-либо другого объекта крестообразной формы. Влажность юбки и капли воды на лице с большой долей вероятности являются следствием конденсации тумана. Можно с уверенностью заявить, что ее не опрыскивали святой водой.

Художник, скорее всего работающий в «Полис гэзетт», подрисовал толстые брови и постарался изобразить густые, но безупречно расчесанные волосы доктора лохматыми. Однако он переусердствовал, уродуя своего героя, поэтому, досадуя на столь явный переизбыток энтузиазма, вырвал страницу из блокнота, смял ее, сунул в карман и начал все заново.

Бакстер сделал несколько пометок и возобновил допрос:

– Можно ли сделать предположение, что убийца знаком с работой человеческого тела, как вампирского, так и обыкновенного?

– Да, коронер. Количество нанесенных повреждений являются свидетельством определенного неистовства, но непосредственные раны – можно сказать, разрезы – нанесены с большой сноровкой.

– Серебряный Нож – это чертов доктор, – закричал главный анархист.

Суд снова погрузился в хаос. Революционеры, наполовину «теплые», наполовину вампиры, принялись топтать ногами и вопить, тогда как остальные начали громко переговариваться между собой. Костаки посмотрел вокруг и стальным взглядом заставил умолкнуть парочку священников. Бакстер отбил руку, колотя по столу.

Женевьева заметила мужчину, стоявшего в конце зала и наблюдавшего за суетой с холодным интересом. Хорошо одетый, в плаще и высокой шляпе, он походил на охотника

за сенсациями, но в нем ощущалась некоторая целеустремленность. Незнакомец не был вампиром, но, в отличие от коронера и даже доктора Джекила, не выказывал каких-либо признаков беспокойства, оказавшись среди такого количества живых мертвецов. Он опирался на черную трость.

– Кто это? – спросила она Лестрейда.

– Чарльз Борегар, – сказал «новорожденный» детектив, скривив губы. – Вы слышали о клубе «Диоген»?

Женевьева покачала головой.

– Когда говорят о «высоких местах», то подразумевают именно его. Важные люди заинтересовались этим делом. А Борегар – их оружие.

– Примечательный человек.

– Если вы так считаете, мадемуазель.

Коронер снова навел порядок. Клерк выскользнул из помещения и вернулся с еще шестью констеблями – все как на подбор были «новорожденными». Они встали вдоль стен, словно почетный караул. Анархисты замолчали, поскольку они хоть и желали поднять достаточно шума для раздражения всех присутствующих, но не хотели, чтобы их имена запомнили.

– Если мне будет позволено обратиться к вопросу, подразумеваемому достопочтенным джентльменом, – начал доктор Джекил, дождавшись согласия со стороны Бакстера, – то знание о месторасположении жизненно важных органов не подразумевает исключительно медицинской профессии.

Если не встает вопрос о сохранении жизни, то мясник может извлечь пару почек с той же легкостью, что и хирург. Понадобится лишь твердая рука и острый нож, а в Уайтчепеле много и тех и других.

– Есть ли у вас мнение относительно того, какой инструмент использовал убийца?

– Очевидно, какое-то лезвие. Посеребренное.

Весь зал громко охнул.

– Железо или сталь не смогли бы нанести подобный ущерб, – продолжил доктор Джекил. – Вампирская физиология такова, что раны, нанесенные обыкновенным оружием, немедленно затягиваются. Ткани и кости регенерируют, как у ящерицы, отращивающей заново хвост. Серебро производит противоположный эффект. Только оно способно нанести вампиру постоянный и смертельный ущерб. В данном случае народная молва, которая прозвала убийцу Серебряным Ножом, воспроизвела факты вполне точно.

– Вы знакомы с делами Мэри Энн Николс и Элизы Энн Чэпмен? – спросил Бакстер.

Доктор кивнул:

– Да.

– Вынесли ли вы какие-либо заключения из сравнения этих преступлений?

– Да. Эти три убийства, бесспорно, дело рук одного человека. Левши, среднего роста, физически довольно сильно-го...

– Мистер Холмс сумел бы назвать девичью фамилию матери убийцы, просто посмотрев на пепел от его сигары, – пробормотал Лестрейд.

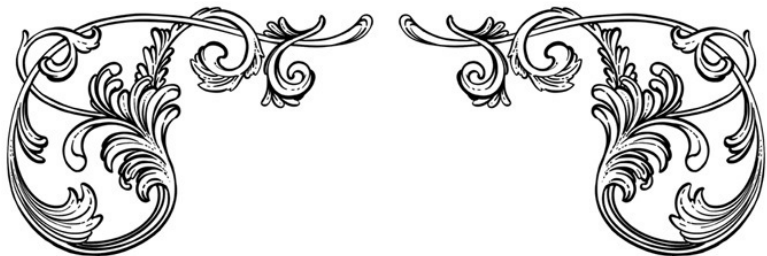
– ...я бы добавил следующее: если рассмотреть это дело с точки зрения алиениста, то, по моему мнению, сам убийца не вампир.

Анархист вскочил на ноги, но констебли окружили его, прежде чем тот успел крикнуть. Улыбнувшись при виде своего полного контроля над залом, Бакстер отметил последний пункт и поблагодарил доктора Джекила.

Женевьева обратила внимание, что человек, о котором она расспрашивала Лестрейда, исчез. Ей стало интересно, заметил ли ее Борегар. Дьёдонне почувствовала с ним определенную связь. С ней то ли случилось одно из «озарений», то ли слишком много времени прошло с последнего кормления. Нет, она знала наверняка. Человек из клуба «Диоген» – что бы это ни было – заинтересовался делами Уайтчепельского Убийцы, но Женевьева не понимала, в каком качестве.

Коронер начал сложное подведение итогов и вынес вердикт: «преднамеренное убийство человека неизвестными личностями», добавив, что Лулу Шон пала жертвой того же самого преступника, который зарезал Мэри Энн Николс 31 августа и Элизу Энн Чэпмен 8 сентября.

Глава 7. Премьер-министр

– Знаете ли вы, – начал лорд Ратвен, – что на этих островах живут люди, чье единственное возражение против брака нашей возлюбленной королевы – правительницы Виктории, императрицы Индии и так далее – с Владом Дракулой, известным как Цепеш, *quondam*⁵⁷ князем Валахии, заключается в том, что счастливый жених некогда пребывал в лоне Римско-католической церкви? Причем я не стану притворяться, что понимаю, как ему это удалось.

Премьер-министр помахал в воздухе письмом, выбранным наугад из пачки отклоненной корреспонденции, усеивавшей несколько столов в приемной на Даунинг-стрит. Годалминг счел за лучшее не прерывать приступ словоохотливости лорда Ратвена. Для «новорожденного», жаждущего быть посвященным в секреты старейшин, близкое внимание

⁵⁷ Некогда бывшим (*лат.*).

многовекового пэра оказалось ценным, практически необходимым инструментом обучения. Когда Ратвен говорил быстро, то казалось, из томов древних истин вырываются давно утраченные заклятья силы. Трудно было не поддаваться обаянию его личности, не улететь на крыльях его разглагольствований.

– У меня здесь, – продолжил Ратвен, – официальное письмо от жалкого общества, основанного в честь никому не нужной памяти этого конституционного зануды Уолтера Бэджета⁵⁸

---

⁵⁸ Уолтер Бэджет (1826–1877) – экономист, политический аналитик и главный редактор журнала «Экономист», существующего по сей день. Был одним из самых влиятельных журналистов средневикторианского периода. Ратвен прозвал Бэджета «конституционным занудой», в частности за то, что тот прославился своим знаменитым трудом «Английская конституция» (1867) – первой аналитической попыткой взглянуть на то, как на самом деле работают и взаимодействуют две палаты парламента, корона и кабинет премьер-министра. Именно Бэджет первым указал на главенствующую роль в английской политике кабинета министров при преобладании его партии в палате общин, а отнюдь не парламента. Этот труд стал классическим и до сих пор считается одним из главных в британской политической мысли для понимания функций и принципов конституционной монархии. Разумеется, методы принца Дракулы явно шли вразрез с практикой, освещенной в работе Бэджета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.